

58
6 216

801-12
534

0

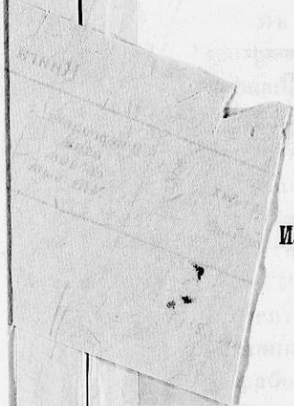
ДРЕВНИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНАХЪ

ВЪ

ЮГОЗАПАДНОЙ РОССИИ.

Н. Иваницева.

Издание Киевской Археографической Коммиссии.

КИЕВЪ.

Въ типографіи Федорова и Мил.
1863.

Разрѣшаю печатать: Юня 20 дня 1863 года. Предсѣдатель Комисіи
Тайный Совѣтникъ М. Юзефовичъ.

2007082586

Въ послѣднемъ томѣ, изданномъ Кіевскою Археографическою Комиссіею, заключающемъ акты, служащіе матеріаломъ для исторіи Козачества, ясно подтверждается важное значеніе общиннаго начала во внутреннемъ строѣ Руси въ древнемъ и среднемъ періодѣ ея историческаго существованія. Важное значеніе общиннаго начала и то особенное упорство, съ которымъ отстаивало его народонаселеніе Руси противъ аристократическаго польскаго элемента, давно уже было замѣчено однимъ изъ сотрудниковъ Комиссіи Н. Д. Иванишевымъ, при разработкѣ, актовъ XV, XVI, и XVII столѣтій. Г. Иванишевъ нашелъ первый слѣды существованія общинно-вѣчевыхъ судовъ въ то позднее время, когда, вопреки естественнымъ инстинктамъ народа, польскій порядокъ вещей подчинилъ себѣ фактически и легально всю Юго-западную Русь и когда мѣстные стихіи народной жизни, умолкнувъ въ чуждомъ ему законодательствѣ, должны были ограничиться сельскими сходками, существовавшими еще долго на основаніи древняго обычая, не смотря на стремленіе шляхты подавить ихъ и уничтожить. Открытіе это подало поводъ Г. Иванишеву

къ составленію статьи о конныхъ судахъ, помѣщенной въ «Русской Бесѣдѣ» за 1837 годъ въ книжкѣ 3-ей подъ заглавіемъ: «о древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-западной Руси». Такъ какъ эта статья содержитъ важное историческое открытіе и составляетъ какъ бы основаніе взгляда, подтверждающагося постоянно вновь открываемыми документами, то Комиссія считаетъ полезнымъ, въ интересахъ отечественной науки, напечатать ее отдѣльнымъ изданіемъ, съ новыми дополненіями автора.

Главный Редакторъ
В. Антоновичъ.

О ДРЕВНИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНАХЪ

ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РОССИИ.

Въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго Центрального архива сохранилось нѣсколько судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ изображаются народныя собранія сельскихъ общинъ, существовавшихъ съ незапамятнаго времени въ югозападной Россіи. Эти судебныя дѣла такъ же важны для исторіи русскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ, какъ для исторіи нѣмецкаго права акты древнихъ германскихъ общинъ, называемые Ordeel и Weisthümer. Открытіе и изслѣдованіе этихъ актовъ служило нѣмецкимъ юристамъ главнымъ источникомъ для возстановленія германской общины, съ ея законами и юридическими обычаями. Судебныя дѣла сельскихъ народныхъ собраній югозападной Россіи, такъ же точно, какъ и акты германскихъ марокъ, изображаютъ составъ общинъ, устройство народныхъ собраний, порядокъ судопроизводства и юридическіе обычаи, по которымъ рѣшались дѣла. Открытіе и изслѣдованіе этихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ представляетъ важныя затрудненія. Приговоры народныхъ собраний не были выражаемы письмомъ, но сохранялись въ памяти народа. Уже въ позднѣйшія времена, когда судебныя мѣста получили правильную и обширную организацію, акты

народныхъ собраній представляемы были въ урядъ, для внесенія въ актовыя книги; но это случалось рѣдко, и при томъ зависѣло отъ произвола общинъ и частныхъ лицъ, подлежавшихъ вѣдомству народнаго собранія. Отъ этого, разсмотрѣвъ около трехъ сотъ актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомирскихъ, я открылъ въ нихъ не болѣе двадцати-двухъ судебныхъ актовъ; древнѣйшій изъ нихъ писанъ 1564-го, позднѣйшій 1622-го года.

На основаніи этихъ матеріаловъ, я изложу составъ югозападной сельской общины, устройство сельскихъ народныхъ собраній и юридическіе обычаи, по которымъ производилось слѣдствіе и постановлялись судебныя рѣшенія. Для того, чтобъ читателю дать возможность наглядно повѣрять наше изслѣдованіе, я счелъ нужнымъ приложить шесть актовъ, болѣе важныхъ по своему содержанію, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Первый изъ этихъ актовъ (1564-го Апрѣля 18-го) замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ собранія сельскихъ общинъ называются вѣчами; второй актъ (1570-го Генваря 12-го) даетъ понятіе о томъ неуваженіи, съ какимъ помѣщики и ихъ урядники смотрѣли на сельскія вѣча; въ третьемъ актѣ (1585-го Генваря 2-го) наглядно изображается древній способъ преслѣдованія преступника, по его слѣдамъ; въ четвертомъ актѣ (1596-го Августа 5-го) заключается порядокъ слѣдствія надъ трупомъ неизвѣстнаго лица; пятый актъ (1608-го Маія 15-го) доказываетъ, что сельскія вѣча, состоявшія болышею частію изъ крестьянъ, могли требовать на своей судѣ не только поселянъ, но и помѣщиковъ; наконецъ, въ шестомъ актѣ (1622-го Декабря 9-го) изображается порядокъ уголовнаго

суда: изъ этого акта видно, что сельскіе общинные суды имѣли право подвергать обвиняемаго пыткамъ и казнить преступника смертною казнію.

Въ отношеніи къ составу, сельскія общины югозападной Россіи являются въ различныхъ формахъ. Одно многочленное селеніе могло составлять отдѣльную общину. Такую общину составляло село Богуринское въ Луцкомъ повѣтѣ, принадлежавшее нѣсколькимъ помѣщикамъ¹⁾.

Но общины, состоявшія изъ одного селенія, встрѣчаются рѣдко; болышею частію онѣ заключали въ себѣ нѣсколько, отъ четырехъ до девяти, сосѣднихъ селеній²⁾. Одно изъ селеній, составлявшихъ общину, служило центральнымъ мѣстомъ, въ которомъ со-

¹⁾ См. Прил. II.

²⁾ Въ открытыхъ нами актахъ находимъ шесть такихъ общинъ: 1) Община въ Владимірскомъ повѣтѣ заключала въ себѣ четыре селенія: помѣщичьи селенія Пизненичи, Бутятчи, Варески и село епископа Владимірскаго Тышкевичи (прилож. VI.); 2) Община въ томъ же повѣтѣ заключала въ себѣ пять селеній: королевское село Стеферицкое и помѣщичьи села Овлучимъ, Вербоє, Руда и Вохновичи (прилож. V); 3) Въ Луцкомъ повѣтѣ община заключала въ себѣ шесть помѣщичьихъ селеній: Крупое, Ставокъ, Дворецъ, Подгайцы, село Переднее Подгайцы и Вишки. Въ составъ этой общины входило также предмѣстье Луцкое (книга грод. Луцкая 1583-го года, листъ 255-й); 4) Общину въ Владимірскомъ повѣтѣ составляли семь помѣщичьихъ селеній: Могильно, Гнойно, Турья, Смолянка, Кодинъ, Войчовъ и Вербоє (книга гродская Владимірская 1602 года, листъ 131); 5) Общину въ Луцкомъ повѣтѣ составляли восемь селеній: Велицкъ, Селецкъ, Подлѣсье, Арсоново, Корсынъ, Читогощъ, Брехово, и Угольє (прил. I.); 6) Въ томъ же повѣтѣ общину составляли девять помѣщичьихъ селеній: Порыцкъ, Жмучъ, Воля Жмудская, Мельница, сельцо пана Евстафія Коровая, сельцо пана Андрѣя Коровая, сельцо паньи Малинской, село Углы и село Подлѣсье (книга гродская Луцкая 1594 года, листъ 47).

бирались крестьяне на вѣче. Частое стеченіе народа въ это селеніе развивало городскія отрасли промышленности, ремесла и торговлю. Тогда селеніе обращалось въ мѣстечко или городъ; жители его получали званіе мѣщанъ, но по прежнему принадлежали къ общинѣ, состоявшей изъ мѣстечка или города и сосѣднихъ селеній¹⁾. Когда мѣстечку или городу, составлявшему центръ сельской общины, предоставлялось магдебургское право, то городское народонаселеніе отдѣлялось отъ общины, составляло отдѣльную корпорацію, учреждало особенное управленіе, основанное на избирательномъ началѣ, и освобождалось отъ участія въ сельскихъ народныхъ собраніяхъ. Въ слѣдствіе такого отдѣленія самой богатой части народонаселенія, сельская община слабѣла; но связь между селеніями, ее составлявшими, не прекращалась. Можно полагать, что такимъ способомъ отдѣлился городъ Луцкъ отъ своей общины; потому что, не смотря на право магдебургское, которымъ пользовался этотъ городъ, предмѣстье его Окопища все еще продолжало сохранять связь съ селеніями: Вышками, Жидичиномъ, Теремнымъ, Яровицами, Дворцомъ и Липлянами, и составляло съ ними одну общину²⁾.

¹⁾ Къ такого рода общинамъ принадлежали: 1) мѣстечко Турійскъ и селенія: Ставокъ, Ежи, Туровичи и Ключковичи,—въ повѣтъ Владимірскомъ, (книга городская Владимірская 1622-го года, листъ 638); 2) мѣстечко Рожичи и села: Любечъ, Рудка, Козинъ, Ставъ, Соловинъ, Душъ, Навозъ, Соколенъ и Смердинъ — въ повѣтъ Луцкомъ (прилож. III.); 3) городъ Дубно, принадлежавшій князю Константину Острожскому, и селенія: Ранчинъ, Погорьльцы, Иванъ, Головичи, Вознесенъе, Тороканово и Подборцы—въ повѣтъ Луцкомъ (прилож. IV).

²⁾ Книга городская Луцкая 1596 года, листъ 237. Иностран-

Селенія, составлявшія общину, назывались *селами окопичными*. На какомъ основаніи и въ какое время возникла и утвердилась между ними общинная связь, опредѣлить трудно. Этотъ вопросъ можно будетъ рѣшить тогда, когда будутъ открыты болѣе древніе акты. Въ памятникахъ письменнаго законодательства, дошедшихъ до насъ, нѣтъ объ этомъ никакихъ постановленій. Крестьяне иногда жаловались въ урядъ, что нѣкоторые селенія, состоя съ ними въ одной общинѣ, уклоняются отъ исполненія общинныхъ обязанностей; но связь между селеніями крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одною только давностію: «они издавна съ нами о шкѣды вшелякія схоживались»¹⁾

Каждому селенію принадлежало пространство земли, опредѣленное точными границами. Это необходимо было особенно потому, что, въ случаѣ преступленія, отвѣтственность, прежде всего, падала на то селеніе, на земляхъ котораго находимы были улики. Совокупность земель, принадлежавшихъ такимъ селеніямъ, составляла округъ сельской общины. По присоединеніи древнихъ областей юго-западной Россіи къ Литвѣ и Польшѣ, общинныя земли частію присоединены были къ королевскимъ имѣніямъ, частію розданы помѣщикамъ, городамъ, церквамъ и монастырямъ; поэтому сельскія общины, ные писатели среднихъ вѣковъ упоминаютъ о невѣроятномъ множествѣ городовъ, принадлежавшихъ славянскимъ племенамъ юго-западной Россіи. Такъ сочинитель Географическихъ Мюнхенскихъ записокъ, жившій прежде Нестора, говоритъ о Бужанахъ, или Волынахъ, жившихъ по рѣкѣ Бугу: «Бужане имѣютъ 231 городъ (civitates)». Съ достовѣрностью можно предполагать, что подъ городами разумѣются здѣсь центральныя мѣста общинъ.

¹⁾ Приложение III. *Видно, какъ далеко и въ какой степени развѣтвилась эта связь*

въ томъ видѣ, какъ онѣ изображаются въ открытыхъ нами актахъ, не имѣли права собственности на земли, ими занимаемыя. Впрочемъ, каждый крестьянинъ отдѣльно могъ приобретать поземельныя участки, и владѣть ими на правѣ полной собственности.

Сельская община состояла изъ всѣхъ лицъ простаго сословія (люди простаго стану), имѣвшихъ постоянную осѣдлость въ ея округѣ. Сюда относились: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, сельчане, или свободные поселяне ¹⁾ мѣщане, не пользовавшіеся правомъ магдебургскимъ ²⁾. Сверхъ того, къ общинѣ принадлежали также земляне королевскіе, то есть, безземельные шляхтичи, которые получали во владѣніе участки королевскихъ земель, подъ условіемъ исполнять опредѣленные, преимущественно военныя повинности ³⁾.

Исчисленные нами общины находились только въ двухъ повѣтахъ: Луцкомъ и Владимірскомъ, но изъ Статута Литовскаго видно, что это установленіе распространено было по всей Руси и въ другихъ мѣстахъ ⁴⁾; а Русь, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ составляли воеводства: Волынское, Подольское, Бельское

¹⁾ См. прилож. 1. — ²⁾ Книга справъ поточныхъ городскихъ Луцкихъ 1590-го года, листъ 942 на оборотѣ. — ³⁾ Книга городская Луцкая 1583-го года, листъ 255—259.

⁴⁾ Статутъ Литовскій 1588-го года, роз. XIV, артик. 9. Здѣсь говорится собственно не о сельскихъ общинахъ, а о копахъ: «на Руси и инде, гдѣ здавна копы бывали». Копы собираны и отправлены быти мають, яко ся на Руси зоховывало и заховуетъ». Но копами, какъ мы объяснимъ въ продолженіи нашего изслѣдованія, назывались народныя собранія сельскихъ общинъ; слѣдовательно, гдѣ была копа, тамъ была и сельская община.

и Русское, къ которому принадлежали земля Львовская, земля Саноцкая, земля Галицкая и земля Хелмска ¹⁾. Сверхъ того, изъ актовъ видно, что сельскія общины существовали и въ воеводствѣ Кіевскомъ.

Главная цѣль соединенія селеній въ общины состояла въ томъ, чтобы предупреждать нарушеніе законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ присуждать и доставлять обиженному вознагражденіе. Каждое селеніе порознь и вся община вмѣстѣ отвѣчали за проступки всѣхъ своихъ членовъ. Въ предѣлахъ своего округа, община ручалась за безопасность жизни и имущества какъ своихъ собственныхъ членовъ, такъ и пришельцовъ. Мы говоримъ здѣсь о сельской общинѣ, какъ она является въ открытыхъ нами актахъ XVI и XVII вѣка; во времена болѣе отдаленныя, она могла имѣть болѣе обширный кругъ власти и ответственности.

Каждая сельская община имѣла свои народныя собранія для совѣщаній и для рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ ея вѣдомству. Такое народное собраніе называлось *копа* или *купа*, также *громада*, *великая громада*. Совѣщаніе народнаго собранія называлось *вѣчь*: копа собиралась на вѣче, то есть, для совѣщанія ²⁾. Изъ этого видно, что вѣча, о которыхъ упоминаютъ наши древнія лѣтописи, не были исключительною принадлежностію городскихъ общинъ, но они принадлежали и сельскимъ общинамъ. Слово вѣче встрѣчается только въ древнѣйшемъ изъ от-

¹⁾ Starożytna Polska, Balińskiego. T. 2. str. 36.

²⁾ См. приложение I.

крытыхъ нами актовъ (1864 Апрель 18); въ позднѣйшихъ актахъ употребляются слова *купа*, *копа* и *громада*; въ актахъ XVII вѣка слово *копа* исчезаетъ, и употребляется вездѣ слово *громада* 1).

Не все лица, принадлежавшія къ сельской общинѣ, составляли народное собраніе и участвовали въ его совѣщаніяхъ; это право предоставлялось однимъ только домохозяевамъ, имѣвшимъ постоянную осѣдность. Ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, а также женщины, являлись въ собраніе только по особому требованію *копы* и при томъ не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній 2). *Копа* иногда поручала домохозяевамъ допросить сыновей и братьевъ и представить собранныя свидѣнія народному соб-

1) Слова: *купа* и *громада* древни; они встрѣчаются въ переводѣ Библии: «И принесена десятины отъ телець и овецъ; и десятины отъ козь и посвятина Господу Богу своему. И внесена и положена *купы* многи. Мѣсяца третіяго начаша *купамъ* полагати основанія. И видѣ Езекия и видѣша *купы*» и проч. (Втор. книг. Паралип. глав. 31, ст. 7—10). «И паметаша *громаду* камня велику» и проч. (Ис. Нав. глав. 7, ст. 26). За мѣткимъ мимоходомъ, что и слово *община* встрѣчается въ переводѣ Библии: «Душа, еже аще согрѣшитъ и солжетъ другу о вданіи или о *общинѣ*». (Левит. глав. 6, ст. 1—3). Слово *громада*, въ смыслѣ народного собранія, встрѣчается въ Краледворской рукописи, въ поэмѣ о Бенешѣ Германовѣ: «*Ai ta Benes Hermanow tamo lud w hromadu zve protiv zasikom*». Kralodvorsky Rukopis. W Praze, 1829, st. 140. Въ законѣ Винодольскомъ (1280) народное собраніе называется *купъ* или *вкупъ*: «Скупшисе все на *купъ*»; «Избраше се одъ всакога града старйши на *вкупъ*». Читенія въ общ. истор. и древ. росс. 1846-го года № 3-й. У Сербовъ и до сихъ поръ народное собраніе называется *скупъ*: см. Общественный и домашній бытъ Сербовъ. Жур. М. Н. П. 1836-го года, Апрель, стран. 91.

2) Книга городская Луцкая 1583-го года, лист. 255—259.

ранію 1). На *копѣ* являлся священникъ, но ояъ присутствовалъ для приведенія подсудимыхъ къ присягѣ и въ качествѣ свидѣтели, не припаяя участія въ народныхъ совѣщаніяхъ 2).

Домохозяева, составлявшіе народное собраніе, назывались: *сходатаи*, *сходатаи суераничные*, *сосѣди околичные*, *сосѣди-суеранички*, *судьи копные*, *мужеве*, *панове-мужове*, *обще*, то есть, общинные *мужи*. Между ними отличались *старцы*, которыхъ мнѣніе пользовалось уваженіемъ особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній народнаго собранія.

Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне, въ молодыхъ лѣтахъ, вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльные хозяйства; то по этому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченіи многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ, вѣче было не только судебнымъ собраніемъ, но и школою для изученія права, которое, безъ помощи писма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.

Сверхъ *сходатаевъ*, въ народное собраніе приглашались люди изъ трехъ селевій сосѣдней общины, по одному или по два человека изъ cadaго селенія. Эти лица назывались *людьми сторонними*; они не участвовали въ совѣщаніяхъ и въ постановленіи приговора, но слѣдили за ходомъ дѣла въ народномъ собраніи, чтобы, въ случаѣ надобности,

1) Въ той же книгѣ, лист. 274. 2) Тамъ же, листъ 297.

свидѣтельствовать о производствѣ дѣлъ и судебных рѣшеніяхъ.

Помѣщики и ихъ управители могли также присутствовать на копѣ; это случалось тогда, когда они сами приводили своихъ крестьянъ на вѣче. Впрочемъ, помѣщики и ихъ управляющіе не участвовали ни въ совѣщаніяхъ копы, ни въ постановленіи судебныхъ приговоровъ. Какъ народному собранію, такъ и подсудимымъ, предоставлялось право приглашать *вознаго* изъ гродскаго уряда. Въ такомъ случаѣ *возный* присутствовалъ на копѣ въ качествѣ свидѣтеля, составлялъ протоколъ и представлялъ свое донесеніе въ урядъ гродскій, для вписанія въ актовья книги.

Число схода татаевъ иногда было весьма значительно. Копа, собиравшаяся въ 1601-мъ году, заключала въ себѣ около ста человѣкъ хотя собраніе было не полное, потому что нѣкоторые помѣщики своихъ крестьянъ на вѣче не пустили ⁽¹⁾. Копа, собиравшаяся въ 1602-мъ году, состояла изъ полтора ста судей копныхъ ⁽²⁾.

Копа собиравалась въ центральномъ мѣстѣ сельской общины, которое называлось *коповище* или *копвище*, и занималась изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ дѣлъ подъ открытымъ небомъ. Для изслѣдованія дѣлъ уголовныхъ копа собиравалась на мѣстѣ преступленія: въ дубравѣ, въ бору, подъ горою. Если нужно было рѣшить споръ о поземельной собственности, то копа собиравалась на спорной землѣ;

⁽¹⁾ Книга грод. Владимірская 1601-го года, лист. 131—132.

⁽²⁾ См. прилож. V.

а когда въ округѣ общины оказывался трупъ убитаго человѣка, то копа собиравалась въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился трупъ или его разрозненные члены.

Вѣдомству копы подлежали все лица простаго сословія, имѣвшія свою осѣдлость въ округѣ сельской общины, именно: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, свободные поселенцы и мѣщане городовъ, не пользовавшіеся правомъ магдебургскимъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть копы простиралась и на самыхъ помѣщиковъ. Помѣщики имѣли право, по добровольному согласію, представлять копѣ рѣшеніе споровъ, между ними возникавшихъ. Такъ въ 1591 году возникъ споръ между паномъ Малинскимъ и паномъ Вышинскимъ о правѣ собственности на ниву и копань. вмѣсто того, чтобъ обратиться въ урядъ, помѣщики собрали копу, на которой старцы показали, что на спорной нивѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покрадена была рѣпа, и что копа присудила удовлетвореніе пану Малинскому, что въ другой разъ собиравалась копа о покражѣ пшеницы на той же нивѣ, и что вознагражденіе присуждено было тому же пану Малинскому. На этомъ основаніи, спорная нива и копань признаны собственностію пана Малинскаго; рѣшеніе было записано въ актовья книги и получило законную силу ¹⁾. Если въ помѣщичьемъ имѣніи, находившемся въ округѣ общины, причиненъ былъ вредъ, и если подозрѣніе падало на одного или нѣсколькихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ осѣдлость въ томъ же округѣ, то помѣщикъ, потерявшій вредъ, имѣлъ право собрать копу и просить, чтобъ

¹⁾ Книга гродская Луцкая 1591 года, листъ 47, на оборотѣ.

она изслѣдовала дѣло и присудила удовлетвореніе за причиненный вредъ. Тогда копа посылала возныхъ и требовала, чтобъ обвиняемые помѣщики вмѣстѣ съ своими крестьянами, явились предъ собраніемъ и оправдались въ обвиненіи. Если помѣщики не являлись, то копа три раза посылала свое требованіе, и за тѣмъ, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, опредѣляла декретомъ своимъ взыскать съ непослушныхъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ удовлетвореніе за весь вредъ, причиненный истцу. По окончаніи суда, копа отправляла въ урядъ городскій депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ излагали дѣло, и объявляли рѣшеніе, для внесенія въ городскія книги ¹⁾. Копы имѣла право производить слѣдствіе надъ помѣщикомъ. Если онъ присутствовалъ при этомъ и замѣчалъ, что открываются обстоятельства, удачающія его въ преступленіи, то могъ прервать дѣйствіе копы, и требовать, чтобы дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла предоставлено было уряду городскому. Такъ на копѣ, производившей въ 1581 году слѣдствіе о убійствѣ Жидовъ-мытниковъ Луцкихъ, присутствовалъ панъ Яковъ Шибенскій съ своими крестьянами. Дворовая женщина Таца показала подъ пыткой, что убійство совершено съ вѣдома пана Шибенскаго. Тогда панъ Шибенскій сказалъ: «Слышу, что здѣсь и обо мнѣ идетъ рѣчь; эта подлая женщина и меня вмѣшала въ дѣло. Поэтому я, чтобъ доказать свою невинность, предаю всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіи, суду уряда городскаго, и самъ являюсь въ

¹⁾ См. приложение V.

урядъ въ назначенный срокъ.» За тѣмъ копа разошлась, прекративъ изслѣдованіе дѣла ¹⁾.

Постоянно возрастающая власть помѣщиковъ, ограничивая общинныя права поселенцевъ, произвела важное измѣненіе въ составѣ народныхъ собраній. Въ XVII вѣкѣ, мужи-сходатаи начинаютъ терять свое прежнее значеніе, уступая власть своимъ помѣщикамъ. Села околичныя посылаютъ отъ себя только по одному депутату; помѣщикъ или помѣщица съ нѣсколькими пріятелями, иногда въ присутствіи священника, производятъ судъ и расправу, постановляя приговоръ, на основаніи Литовскаго Статута. Крестьяне, присланные околичными селеніями, присутствуютъ безмолвно, соглашаясь съ распоряженіями помѣщика и его пріятелей; судъ общинный перестаетъ называться копнымъ судомъ, и получаетъ названіе сельскаго суда (sąd wiejski) ²⁾.

Изложивъ устройство общинъ сельскихъ и составъ народныхъ собраній, мы представимъ юридическіе обычаи, которыми руководствовалась копа, при изслѣдованіи и рѣшеніи дѣлъ. Но, чтобъ возстановить эти обычаи во всей ихъ полнотѣ, для этого недостаточны открытыя нами акты; въ нихъ заключаются только судебные обычаи, въ примѣненіи къ немногимъ, частію уголовнымъ, частію гражданскимъ дѣламъ. Въ двухъ актахъ изображается судъ о выдраніи пчель изъ бортей, ³⁾ въ одномъ актѣ заключается дѣло о порубкѣ бортнаго дерева

¹⁾ Книга городская Луцкая 1583 года, листъ 297—300.

²⁾ См. прилож. VI. Также книга городская Владимірская 1622 года, листъ 480. Книга городская Владимірская 1622 года, листъ 638.

³⁾ Прилож. I. Книга городская Владимірская 1601 года, листъ 131.

и о похищеніи изъ борти меду¹⁾, одинъ актъ заключаетъ судъ о покражѣ вола²⁾, одно дѣло о поджогѣ³⁾, два дѣла объ убійствѣ⁴⁾, одно дѣло о найденномъ въ округѣ общины трупъ неизвѣстнаго чловѣка⁵⁾, наконецъ, одинъ актъ изображаетъ рѣшеніе спора, возникшаго между двумя помѣщиками, о правѣ собственности на ниву и копань⁶⁾. На основаніи этихъ актовъ мы раземотримъ порядокъ изслѣдованія дѣлъ, постановленіе судебныхъ рѣшеній и ихъ исполненіе.

Въ порядкѣ судопроизводства копа слѣдовала своимъ древнимъ обычаямъ: «водле стародавнее звыклости, волдугъ давнаго звычаю, воддугъ стародавнаго звычаю;»⁷⁾. Совокупность народныхъ юридическихъ обычаевъ называется *копнымъ* правомъ; судъ, производившійся на основаніи этихъ обычаевъ, называется *копнымъ судомъ*. Сходатаи говорили: «звычайъ права нашего копнаго», противополлагая это право посполитому праву, подъ которымъ они разумѣли писанные законы, изложенные въ Статутѣ Литовскомъ. Нѣкоторые обычаи копнаго права вошли въ составъ Статута и такимъ образомъ получили силу писаннаго закона. О такихъ обычаяхъ сходатаи говорили: «копный звычайъ, въ правѣ посполитомъ описанный⁸⁾».

¹⁾ Прилож. V. ²⁾ Прилож. II. ³⁾ Прилож. III.

⁴⁾ Книга городская Луцкая 1583-го года, лист. 255—259, лист. 274; лист. 274 на обор. по 277; листъ 297—300; лист. 331-й на обор. Книга справъ поточныхъ Луцкихъ 1590 года, лист. 942.

⁵⁾ Прилож. IV. ⁶⁾ Книга городская Луцкая 1591 года, листъ 47 на оборотѣ.

⁷⁾ Смотр. прилож. III: книга городская Луцкая 1591 года, 47 на оборотѣ; книга град. Владимірская 1601 года, лист. 131.

⁸⁾ Книга городская Луцкая 1569 года лист. 237-й. Здѣсь по-

Если преступленіемъ нарушены были права частнаго лица, то, по началамъ копнаго права, обиженному самому предоставлялось отыскивать своего *шкодника*. Истецъ распрашивалъ людей, собиралъ письменныя доказательства, отыскивалъ улики. Такое предварительное изслѣдованіе дѣла называлось *обыскомъ*. Если истецъ, при всемъ своемъ стараніи, не могъ отыскать своего шкодника, и если онъ подозревалъ, что преступникъ находится въ округѣ сельской общины, то онъ имѣлъ право требовать, чтобъ собрана была копа. Для этого онъ обращался къ помѣщикамъ, которые, по просьбѣ истца, высылали своихъ крестьянъ на вѣче. Истецъ могъ также обратиться въ урядъ городскій, который давалъ ему урядовый листъ ко всемъ околичнымъ селеніямъ, составившимъ общину, приказывая собраться на копу (идти на копу, идти до права), въ опредѣленное время и въ назначенномъ мѣстѣ. Такіе же листы урядъ разсылалъ отъ себя по всемъ околичнымъ селеніямъ¹⁾. Крестьянинъ помѣщичій, желавшій предложить дѣло на рѣшеніе копнаго суда, обращался къ своему помѣщику, который оповѣщалъ околичныя селенія, назначая мѣсто и время собранію.

Во всѣ селенія, составившія общину, обязаны были собраться на копу, въ назначенный срокъ. Если какое нибудь селеніе не являлось въ собраніе, то копа избирала депутатовъ, которые вмѣстѣ съ воз-

мѣщено слѣдствіе и судъ о найденномъ въ округѣ общины трупѣ неизвѣстнаго чловѣка. Обычай, въ этомъ случаѣ наблюдавшійся, внесенъ въ Статутъ и составилъ арт. 31, разд. 11.

¹⁾ Книга городская Луцкая 1583 года, листъ 255.

нымъ, отправлялись въ не явившееся селеніе и звали сходатаевъ на копу. Когда сходатаи идти не хотѣли, то депутаты возвращались и объявляли объ этомъ копѣ. Тогда копа, слѣдуя стародавнему обычаю, постановляла приговоръ, что селенія, не явившіяся на вѣче, за ихъ упорство въ непослушаніи, должны удовлетворить истца за весь причиненный ему вредъ, а себѣ некатъ виноватаго. Правило, на которомъ копа основывала такой приговоръ, выразилось словами: «невыходъ платитъ škodu»¹⁾.

Когда все околичныя селенія, составлявшія общину, были собраны на копѣ, то истецъ имѣлъ право сдѣлать имъ переувѣчку, чтобъ удостовѣриться, все ли сходатаи находятся на лицо; за тѣмъ онъ словесно излагалъ свою жалобу и произведенный имъ обыскъ, прося сходатаевъ изслѣдовать дѣло и постановить приговоръ, на основаніи права. Жалобу истца копа должна была слушать безмолвно, не прерывая рѣчей.

По выслушаніи жалобы, копа обязана была разъяснить все обстоятельства преступленія и открыть виновнаго. Для достиженія этой цѣли, употреблялись два способа: во первыхъ, распросъ на копѣ сходатаевъ и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу; во вторыхъ, изслѣдованіе *знаковъ*, то есть уликъ, доказывающихъ преступленіе; первый способъ называется *опытъ* (чинить опытъ, выслушать опытъ), второй способъ называется *ликъ* (копа лично доходить шкодника, копа выходитъ на ликъ о шкоды).

Право производить оныя принадлежало истцу.

¹⁾ См. прилож. III.

Сходатаи, тотчасъ по выслушаніи жалобы, начинали совѣщаніе, переговариваясь между собою. Если при этомъ совѣщаніи какой нибудь сходатай проговаривался, или открыто объявлялъ, что знаетъ преступника, или имѣетъ на кого нибудь подозрѣніе; то истецъ долженъ былъ засвидѣтельствовать это объявленіе копою (освѣтчать копою), и тогда копа требовала, чтобы проговорившійся сходатай объявилъ имя преступника и все, что ему извѣстно о преступленіи. Если онъ отказывался исполнить это требованіе, то долженъ былъ удовлетворить истца, по приговору копнаго суда; но, удовлетворивъ истца, онъ пріобрѣталъ право отыскивать преступника, требовать отъ него удовлетворенія, или предать его суду.

Когда сходатаи, окончивъ переговоры, объявляли, что имъ ничего неизвѣстно ни о преступленіи, ни о преступникѣ, тогда истецъ объявлялъ, на кого онъ имѣетъ подозрѣніе, и подтверждалъ свои слова доказательствами. Подозрѣніе могло быть двоякаго рода: во первыхъ, истецъ могъ объявить, кого именно онъ считаетъ преступникомъ (кому даетъ вину); во вторыхъ, онъ могъ изъявить подозрѣніе, что кто нибудь изъ лицъ, принадлежавшихъ къ общинѣ, знаетъ, кѣмъ совершено преступленіе, но не хочетъ выдать преступника. Обвиняемый, противъ доказательства истца, долженъ былъ дать *выводъ*, то есть, очистить себя отъ подозрѣнія, опровергнувъ доводы истца, или представивъ доказательства своей невинности. Если ответы обвиняемаго копа находила удовлетворительными, то освобождала его отъ подозрѣнія; но если истецъ не соглашался съ мнѣніемъ копы, то могъ требовать,

чтобъ обвиняемый былъ подвергнутъ пыткамъ, и копа исполняла требованіе истца. Но если допрашиваемый былъ человекъ добрый, въры годный и неподозрительный, то истецъ могъ подвергнуть его пыткамъ только тогда, когда подтверждалъ свое подозрѣніе присягою. Если бы истецъ ничего не додумался, и подозрѣніе его осталось не доказаннымъ, то онъ обязанъ былъ заплатить обвиняемому за муку, по приговору копнаго суда. Пытка производилась въ присутствіи копы; допрашиваемаго сѣкли прутьями и жгли огнемъ.

Истецъ могъ три раза собирать копу, если распросъ сходатаевъ и изслѣдованіе судебныхъ доказательствъ того требовали. Послѣ перваго копнаго собранія, истецъ, до окончанія суда, отдавалъ помѣщику на поруки, въ опредѣленной суммѣ денегъ, всѣхъ крестьянъ того села, на которое падало подозрѣніе. Помѣщикъ обязанъ былъ заботиться о томъ, чтобы крестьяне этого селенія, уклоняясь отъ ответственности, не разошлись въ разбродъ. Между каждою сходкою назначалось три дня промежутка; въ теченіи этого времени, истецъ продолжалъ розысканіе, для пополненія своихъ доказательствъ, а сходатаи обязаны были собирать свѣдѣнія, допрашивая сыновей и слугъ своихъ.

Если копа, на всѣхъ трехъ сходкахъ, объявляла, что она ничего не знаетъ и не вѣдаетъ ни о преступленіи, ни о преступникѣ, и если истецъ, съ своей стороны, ни на кого не могъ объявить подозрѣнія, то ему предоставлялось выбрать по произволу, по нѣскольку мужей изъ всѣхъ селеній, присутствовавшихъ на копѣ, и требовать присяги въ томъ, что они ничего не знаютъ о преступле-

ніи и преступника невѣдаютъ. Послѣ третьей сходки, на другой день, копа собиралась снова, и сходатаи, избранные истцомъ, приводились къ присягѣ; впрочемъ, истцу предоставлялось требовать присяги только отъ одного изъ нихъ, и если онъ отказывался, то, по приговору копы, долженъ былъ удовлетворить истца.

Сверхъ распроса сходатаевъ, средствомъ къ открытію преступника служили улики, называемыя въ актахъ копнаго суда *знаками*. Къ такимъ знакамъ преимущественно относились слѣды, оставленные преступникомъ на дорогѣ, по которой онъ уходилъ, совершивъ преступленіе; также трупъ убитаго и разрозненные его члены. Если уликой были слѣды, оставленные преступникомъ, то истецъ, собравъ на копу сходатаевъ всѣхъ селеній, составлявшихъ общину, и пригласивъ людей стороннихъ, *наль слѣды*. Копя, *взявъ слѣды* въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершенно преступленіе, вела его до конца. Каждое селеніе, входившее въ составъ общины, обязано было отвѣсти слѣдъ отъ своихъ земель. Если бы какое нибудь селеніе на копу не явилось, а между тѣмъ слѣдъ доведенъ былъ до земли, ему принадлежавшей, то копа, остановившись на слѣду, вызывала сходатаевъ, требуя, чтобъ они вышли, *взяли слѣды* отъ копы и отвели его отъ своей земли къ чужой границѣ, по стародавнему обычаю. Если никто не явился на зовъ, то копа ночевала на слѣду и, на другой день, во второй и третій разъ, вызывала жителей селенія. Если и послѣ третьяго зова никто не явился, то копа, оставаясь на томъ же слѣду, присуждала все селеніе, неявившееся на слѣдъ, къ удовлетворенію истца за причиненный

20-й разъ копа

преступникомъ вредъ и за всѣ убытки. Жители этого селенія, удовлетворивъ истца, получали право отыскивать преступника.

Если въ округѣ общины находили трупъ неизвѣстнаго убитаго человека, и если никто не являлся съ жалобою на убійство, то помѣщикъ или его управляющій, принявъ мѣры къ сохраненію трупа, созывалъ сходатаевъ околичныхъ селеній для распроса, который производился надъ трупомъ убитаго. Сначала спрашиваемы были крестьяне того селенія, на земляхъ котораго найденъ былъ трупъ. За тѣмъ, помѣщикъ, или его урядникъ, три раза спрашивалъ сходатаевъ, не извѣстно ли кому нибудь изъ нихъ, кто былъ убитый, и кѣмъ совершено убійство? Если сходатаи объявляли, что не знаютъ ни убитаго ни убійцы, то каждый изъ нихъ долженъ былъ присягнуть въ томъ, что онъ убитаго не знаетъ, преступника не вѣдаетъ, и что никто изъ его общины не совершалъ убійства. За тѣмъ копа погребала трупъ, составлялся актъ копнаго слѣдствія и вносился въ актовыя книги.

Если истецъ, производя обыскъ, отыскивалъ своего шkodника въ какомъ нибудь селеніи, то обращался къ сельской громадѣ, которая, выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ представленныя имъ доказательства, обязана была выдать преступника. Истецъ могъ помириться съ своимъ шkodникомъ, получивъ отъ него удовлетвореніе, по добровольному согласію, или могъ препроводить его на мѣсто преступленія и предать копному суду. Если преступникъ подлежалъ смертной казни за совершенное преступленіе, то истецъ долженъ былъ приглашать палача. Копа выслушавъ жалобу истца и раз-

смотрѣвъ его доказательства, допрашивала обвиняемаго, а если недовольствовалась добровольнымъ показаніемъ, то подвергали его пыткамъ. По окончаніи слѣдствія, копа постановляла приговоръ и, если обвиняемый за свое преступленіе подлежалъ смертной казни, то онъ тотчасъ предавался въ руки палача.

Предъ совершеніемъ казни, каждый изъ присутствовавшихъ въ народномъ собраніи могъ требовать, чтобъ осужденный преступникъ былъ подвергнутъ пыткамъ, для удостовѣренія, не совершилъ ли онъ еще какихъ преступленій; особенно предсмертная пытка считалась необходимою, если въ округѣ общины преступленія были часты. Пыткамъ подвергался преступникъ также и тогда, когда онъ оговаривалъ кого нибудь въ преступленіи; но оговоръ только тогда имѣлъ важность, когда осужденный подтверждалъ свои слова предъ самымъ совершеніемъ казни, стоя на ступеняхъ лѣсницы, приставленной къ висѣлицѣ (на послѣднемъ ступню у шибеницы на дробинѣ). За тѣмъ палачъ совершалъ казнь, въ присутствіи народнаго собранія.

Приговоръ копнаго суда называется *выналязокъ*¹⁾, *найденне копное*, *указанье* или *всказанье копное*²⁾. Въ позднѣйшихъ актахъ употребляется слово *декретъ*, *декретъ копный*³⁾. Приговоръ постановлялся общимъ голосомъ всѣхъ сходатаевъ, составлявшихъ народное собраніе (копа сказала, или всказала, копа за-

¹⁾ Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 274-й.

²⁾ См. прилож. I. ³⁾ Книга гродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ. Книга гродская Владимирская 1622 года, листъ 480-й.

бороняла). Неизвѣстно, какъ поступала копа въ случаѣ разногласія, возникшаго между сходатаями при рѣшеніи дѣлъ; такой случай не встрѣчается въ открытыхъ нами актахъ.

Въ юридическихъ обычаяхъ югозападной Россіи, какъ вообще въ древнихъ славянскихъ и германскихъ законодательствахъ, начало частнаго права было преобладающимъ, не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ. Лицо, котораго право было нарушено преступленіемъ, могло предать виновнаго всей строгости законовъ, или окончить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ; въ последнемъ случаѣ, преступникъ освобождался отъ всякаго наказанія. Особенно уважалось прощеніе, которое давалъ смертельно раненный своему убійцѣ; преступникъ освобождался отъ всякаго суда и не платилъ головщины родственникамъ убитаго. Даже и въ томъ случаѣ, когда преступникъ былъ приговоренъ и къ смертной казни, онъ могъ *подняться*, то есть, помириться съ истцомъ и освободиться отъ наказанія¹⁾. Если дѣло не оканчивалось добровольнымъ соглашеніемъ, то копа постановляла приговоръ на основаніи Статута Литовскаго²⁾.

Постановивъ приговоръ, копа принимала мѣры къ его исполненію. Если преступникъ приговоренъ былъ къ смертной казни, то приговоръ немедленно

исполнялся въ присутствіи копы, на мѣстѣ суда.

¹⁾ Такъ въ селѣ Подгайцахъ копа осудила на смертную казнь, за убіеніе тѣна, отъявленныхъ разбойниковъ, крестьянина Гушу и его сыновей; но осужденные поднялись и освобождены были отъ наказанія. Книга городская Луцкая 1583 года, листъ 274-й.

²⁾ Книга городская Владимірская 1622 года, листы 480 и 638-й, приложение VI.

исполнялся въ присутствіи копы, на мѣстѣ суда. Если копа присуждала къ денежному взысканію, помѣщичьяго крестьянина и если онъ платить отказывался, то все сходатаи отправлялись къ помѣщику и требовали, чтобъ онъ приказалъ своему крестьянину исполнить приговоръ копнаго суда¹⁾. Право собственности на бортное дерево въ общемъ дѣлу обозначалось на самомъ деревѣ клеймомъ владѣльца. Если кто жаловался объ уничтоженіи клейма и о незаконномъ завладѣніи бортнымъ деревомъ, то копа отправлялась въ дѣбъ и, постановивъ приговоръ, возобновляла клеймо истца, уничтоживъ клеймо незаконнаго владѣльца²⁾. Во всѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ отказывался исполнить приговоръ копнаго суда, сходатаи, приглашали вознаго, излагали ему дѣло и вмѣстѣ съ нимъ отправляли отъ себя посланцовъ въ урядъ городскій, прося записать приговоръ въ актовыя книги.

Сельская община югозападной Россіи, съ ея юридическими обычаями и самостоятельнымъ составомъ копныхъ судовъ, имѣетъ признаки глубокой древности. О началѣ и происхожденіи этого установленія мы не находимъ никакихъ свѣдѣній, ни въ лѣтописяхъ, ни въ письменныхъ законодательныхъ памятникахъ. Съ большою вѣроятностію можно предполагать, что сельскія общины возникли въ то время, когда славянскія племена, населявшія нынѣшнюю югозападную Россію, еще не были соединены государственнымъ союзомъ, подъ верховною властію государей. Это предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ доводахъ: древніе князья русскіе, какъ великіе, такъ и удѣльные,

¹⁾ См. прилож. II. ²⁾ См. прилож. V.

не могли быть основателями сельских общинъ. Въ первый періодъ образованія русскаго государства, городскія общины существовали въ югозападной Россіи, во всей ихъ силѣ, выражая свою власть посредствомъ народныхъ собраний, которыя назывались вѣчами. Демократическое начало, на которомъ основаны были эти народныя собранія было совершенно противоположно политикѣ великихъ князей русскихъ, стремившихся къ самодержавію; по этому древняя исторія Россіи представляетъ продолжительную и упорную борьбу верховной власти князей съ могущественными городскими общинами. Нельзя предполагать, чтобы князья Русскіе, истребляя городскія общины огнемъ и мечемъ, въ тоже время основывали сельскія общины, тѣмъ болѣе что города, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые возникали не по распоряженію правительства, но по естественнымъ экономическимъ законамъ, въ слѣдствіе увеличенія народонаселенія и развитія промышленности, возникали изъ сельскихъ общинъ и почерпали изъ нихъ свои жизненныя силы.

Древнихъ польскихъ королей нельзя также считать основателями сельскихъ общинъ, въ югозападной Россіи. Они, также какъ и русскіе князья стремились къ самодержавію, и поэтому старались ослабить общинное начало у всѣхъ Славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ польскаго королевства. Этой цѣли короли польскіе достигали преимущественно распространеніемъ нѣмецкаго права въ землѣхъ имъ подвластныхъ, и усиленіемъ власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Нѣмецкое право, проникавшее въ Польшу со времени Болеслава I-го (992—1025), основывалось на избирательномъ началѣ;

вмѣсто народнаго собранія или вѣча являлся войтъ съ лавниками и ратманами. Эти лица имѣли административную и судебную власть; народныя собранія подъ открытымъ небомъ замѣнялись засѣданіями въ магистратахъ и ратушахъ, народныя юридическія обычаи уступали мѣсто нѣмецкому праву, общины или совершенно исчезли или слабли, теряя свое древнее юридическое значеніе.

Въ Статутѣ Литовскомъ, въ первый разъ находимъ ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о существованіи сельскихъ общинъ въ югозападной Россіи, объ ихъ древнемъ обычномъ правѣ и народныхъ собраніяхъ¹⁾. Во всѣхъ трехъ редакціяхъ Статута, сельская община является не новымъ, но стародавнимъ установленіемъ; народное сельское собраніе, или копа, производитъ судъ и расправу по стародавнимъ обычаямъ.

Статутъ Литовскій 1529 года, въ первый разъ предоставилъ народнымъ сельскимъ собраніямъ законную, обязательную силу. Копа собирается, производитъ слѣдствіе и судъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, Въ случаѣ вреда, причиненнаго въ чужомъ лѣсу (разд. VIII, арт. 31); 2, Въ случаѣ присвоенія чужой борті (разд. VIII, арт. 6); 3, Копа производитъ также слѣдствіе и судъ о воровствѣ, если преступникъ былъ не извѣстенъ, и если подозрѣніе въ покражѣ падало на цѣлое селеніе. Впрочемъ, законодатель не считалъ нужнымъ вносить въ Статутъ

1) Въ Русской Правдѣ находимъ также слѣды общины и народныхъ юридическихъ обычаевъ, хотя съ примѣсью нѣмецкаго права. Но объ этомъ законодательномъ памятникѣ мы не будемъ говорить до тѣхъ поръ, пока не откроемъ большаго количества и болѣе древнихъ актовъ копнаго права.

полную систему обычного права, предполагая это право болѣе извѣстнымъ, чѣмъ писанные законы. Поэтому, въ Статутѣ постановлено рѣшать дѣла по стародавнимъ обычаямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, на которые нѣтъ определенныхъ писанныхъ законовъ (разд. VI. арт. 1, 3, 25; разд. VIII. арт. 6). Такимъ образомъ, обычное или копное право, имѣвшее своимъ основаніемъ автономію общинъ, утверждено было верховной властію и получило силу закона, наравнѣ съ писанными законами.

Второй Статутъ Литовскій, изданный въ 1566 году, подтвердилъ статьи перваго Статута о копныхъ судахъ и, сверхъ того, заимствовалъ изъ копнаго права еще нѣсколько постановленій, не вошедшихъ въ первый Статутъ. Сюда относятся: слѣдствіе и судъ надъ трупомъ человека проѣзжаго или безплеменнаго, за котораго некому было получить головщину (разд. XI. арт. 51); слѣдствіе и судъ о потравѣ хлѣба скотомъ (разд. XIII. арт. 2); о преслѣдованіи и открытіи преступника, по его слѣдамъ (XIV. арт. 6.).

Третій Статутъ Литовскій, изданный въ 1588-мъ году, принявъ въ свой составъ постановленія о копныхъ судахъ, помѣщенные въ первыхъ двухъ Статутахъ¹⁾, подтвердилъ существованіе древнихъ сельскихъ общинъ въ югозападной Руси и распространилъ это установленіе на нѣкоторыя другія области, входившія въ составъ польскаго королевства. Говоря о преслѣдованіи преступниковъ, Статутъ постановляетъ, что на Руси и въ другихъ мѣстахъ,

¹⁾ Разд. XI. арт. 26; разд. XIII. арт. 2; разд. XIV. арт. 2, 9, 17 и 18.

гдѣ издавна бывали народныя собранія сельскихъ общинъ (копы), тамъ они должны существовать на старыхъ коповищахъ, по старому обычаю. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копы не бывали, тамъ они должны быть собираемы, такимъ же порядкомъ. Подкоморія, завѣдывавшіе разграниченіемъ и размежеваніемъ земель, должны были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копъ не бывало, назначить сборныя мѣста, или коповища, приписать къ этимъ центральнымъ мѣстамъ все околичныя селенія, находившіяся, со всѣхъ четырехъ сторонъ, на расстояніи одной мили¹⁾.

Не смотря на постановленіе Статута Литовскаго, имѣвшее цѣлю распространить сельскія народныя собранія въ югозападной Руси и дать имъ законную силу, сельскія общины, въ XVI и XVII вѣкахъ, являются въ состояніи совершеннаго упадка и разрушенія. Находясь въ противурѣчій съ новыми началами государственнаго устройства и особенно съ властію помѣщиковъ, не соответствуя тому состоянію, въ какое были поставлены, какъ увидимъ ниже, крестьяне въ это время, — сельскія общины югозападной Россіи, съ своими вѣчами и копнымъ правомъ, поражаютъ изслѣдователя, какъ развалины древняго, нѣкогда обширнаго и (можетъ быть) стройнаго зданія, среди вновь построеннаго города. Власть вѣча и юридическіе обычаи, имъ созданные, въ древнія времена имѣли основаніемъ автономію общинъ. Но эта автономія должна была прекратиться съ привятіемъ верховною властію новыхъ началъ и съ развитіемъ неограниченной власти помѣ-

¹⁾ Стат. Литов. 1588 года, разд. XIV. арт. 2.

щиковъ. Съ тѣхъ поръ, общинное или копное право должно было оставаться неподвижнымъ; вся его сила и дѣйствительность принуждены были основываться только на вѣрномъ сохраненіи обычая въ памяти мужей-сходатаевъ, на старинѣ и давности. Поэтому, когда сходатаи являлись въ урядъ и требовали исполненія постановленнаго ими приговора, то они ничѣмъ не могли доказать справедливость своего требованія, какъ только давностію своего копнаго права. Такъ, общинная связь между селеніями, обязанность являться на копу и отвѣчать за совершенныя въ округѣ общины преступленія основывались только на томъ, что крестьяне этихъ селеній были сходатаями издавна: «издавна о шкоды вшелякія схоживалися». Также точно и основныя положенія копнаго права, которыми руководствовались собранія общинъ въ производствѣ слѣдствія и суда, основывались на одной только давности: «издавна межи нами шкодника ничѣмъ инымъ, какъ только копою доходить»; или: «невыходъ всегда платитъ шкоду, по стародавнему обычаю»; «копа вела слѣдъ, водле стародавнее звѣкло-сти»¹⁾. Основываясь на давности и остановившись неподвижно въ своемъ развитіи, копное право въ XVI и XVII вѣкахъ, является несовременнымъ, несоответствующимъ новымъ условіямъ общественной жизни. Притомъ же, въ это время существовали правительственныя мѣста, по разнымъ отраслямъ управленія: урядамъ городскимъ принадлежала мѣстная полиція, судъ надъ преступниками и рѣшеніе споровъ о движимой собственности; дѣла о

¹⁾ См. прилож. III.

поземельной собственности принадлежали уряду земскому; подкоморскіе суды завѣдывали межевыми дѣлами. Эти правительственныя мѣста, обнимая всѣ отрасли мѣстнаго управленія, руководствовались опредѣленными писанными законами; поэтому копные суды, съ своими древними обычаями, сохранявшимися въ памяти сходатаевъ, представляли странную аномалію въ общемъ составѣ управленія.

Сходатаи, составлявшіе народныя сельскія собранія, находясь въ состояніи жалкаго униженія и угнетаемые бѣдностію, теряли способность быть безпристрастными слѣдователями, разумными судьями и правовѣдами¹⁾. Отъ этого, при изслѣдованіи преступленій, они дѣйствуютъ робко, и рѣшенія ихъ не всегда согласны съ правомъ. Такъ на копѣ, производившей слѣдствіе, въ 1564 году, о выдраніи пчелъ изъ бортей, истцы, крестьяне Сенько и Демьянъ, объявили подозрѣніе въ покражѣ на повара господарскаго Степана. Обвиняемый давалъ отводъ, ссылаясь на мѣщанина Мельницкаго Зенька. По копному праву, слѣдовало, прежде всего распросить Зенька; но истцы, не слушая приговора копы, подвергли обвиняемаго пыткѣ, били прутьемъ и жгли огнемъ. Сходатаи, вмѣсто того, чтобъ удержать мучителей, разошлись, и допрашиваемый умеръ подъ пыткою²⁾. Униженіе и бѣдность произвели

¹⁾ Въ актовыхъ Луцкихъ книгахъ находится описаніе нѣкоторыхъ селеній, входившихъ въ составъ одной изъ исчисленныхъ нами выше общинъ, именно селеній: Топольнаго, Воли Рожицкой, Пожарокъ, Теремнаго, Липлянъ и мѣстечка Рожица. Возный доносилъ уряду, что всѣ эти селенія «зубожонные, двory покажонные, погнилые, люди разогнанные, знищеные». Книга городская Луцкая 1591 года, листы 314—318.

²⁾ См. прилож. I.

нравственную порчу въ сельскомъ народонаселеніи; поселяне, вмѣсто того, чтобы прелотвращать преступленія, открывать и наказывать преступниковъ, сами разбойничали, поджигали и грабили имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, упорно отказываясь являться на вѣче, для открытія и наказанія преступниковъ.

Судебная власть, которою пользовались крестьяне въ народныхъ собраніяхъ, находилась въ рѣзкомъ противурѣчій съ неограниченною властію помѣщиковъ. Помѣщикъ и его управляющій имѣли безотвѣтное право казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертію¹⁾. Эти же самые крестьяне, собранные на копу, могли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требовать помѣщиковъ на свой судъ и подвергать ихъ взысканіямъ (Прилож. V) Сходатаи, находясь въ

¹⁾ Это право предоставлено было помѣщикамъ въ 1557 году Vol. Legg. 607. Слѣдующая выписка изъ актовыхъ книгъ представляетъ образецъ помѣщичьяго суда и доказываетъ, что помѣщики и ихъ управляющіе дѣйствительно пользовались правомъ казнить смертію своихъ слугъ и крестьянъ. Въ 1593-тѣ году, генеральный возный доносилъ уряду городскому: «Быль я въ мѣстечкѣ Степановскомъ, когда панъ Василій Золотолинскій судилъ слугу своего Миша, который убилъ Петра Творевского, слугу пана Богдана Омеляновича, старосты Степанскаго. И когда тотъ Мишо, убійца, представленъ былъ на судъ, то панъ Золотолинскій спрашивалъ его: «признается ли онъ въ своемъ преступленіи?» и Мишо сказалъ: «я ничего никакой вражды съ Петромъ Творовскимъ не имѣлъ; только грѣхъ мени попуталъ, что я его убилъ». Панъ Золотолинскій, слыша такое добровольное признаніе слуги своего Миша, осудилъ его, какъ убійцу, на смертную казнь. Тотъ же часъ, предомною вознымъ, осужденный отданъ былъ въ руки палача и, какъ убійца, подвергнутъ строгой казни: «быль четвертованъ». (Книга городская Луцкая 1593 г., листъ 798) г. Въ 1573-мъ году, возный Кременецкій, Григорій Гуляницкій, доносилъ уряду Кременецкому:

полной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ и рѣшая дѣла въ ихъ присутствіи, не могли имѣть той свободы мыслей, которая необходима для безпристрастнаго изслѣдованія дѣла и для добросовѣтнаго суда. Иногда помѣщичій урядникъ, присутствуя на копѣ, вмѣшивался въ дѣлопроизводство, перебивая рѣчи истца, прерывая распросъ сходатаевъ ругательствами, и самовольно уводилъ крестьянъ изъ собранія, не дождавшись судебного рѣшенія¹⁾. Производя слѣдствіе и судъ подъ влияніемъ помѣщиковъ и ихъ урядниковъ, копа постановляла рѣшенія, не всегда согласныя съ правомъ. Такъ, напримѣръ, копа, собиравшаяся для изслѣдованія и рѣшенія дѣла о покражѣ яблокъ и хмѣля въ саду Евстафія Коровая, въ угоду этого помѣщика, рѣшила дѣло неправильно. Одинъ изъ сходатаевъ, Хведько Игнатовъ сынъ, объявилъ на копѣ, что онъ видѣлъ, какъ сыновья крестьянина Кузьмича везли хмѣль черезъ село отъ саду пана Евстафія Коровая. По-

«Быль я у пана Ласка Секунскаго, вмѣстѣ съ слугою князя Николая Збаражскаго, Лавриномъ Козуленю. И Лавринъ Козуля спрашивалъ пана Михаила Ласка: «для чего ты приказалъ безвинно повѣсить боярина господарскаго Евхима, который имѣлъ братьевъ и осѣдность въ Жолобѣ?» И панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ: «кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Евхима, тотъ за него хорошо запластитъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ.» Потомъ спрашивалъ Лавринъ у пана Михаила Ласка: «по какой причинѣ, ты приказалъ замучить на смерть боярина Семена Воронка, Протаса Лавриновича и Степана Съдельника, и для чего забралъ собѣ все ихъ имущество?» Панъ Ласко признавался, что Воронко умеръ у него въ тюрьмѣ, а о Лавриновичѣ и Степанѣ сказалъ: «они получили плату по заслугамъ, и я никому не обязанъ давать въ этомъ отчетъ, такъ какъ они были крестьяне моихъ селъ». Книга городская Луцкая 1573 года, листъ 166 на оборотѣ.

¹⁾ См. прилож. II.

слѣ такого показанія нужно было, по копному праву, допросить сыновей крестьянина Кузьмича; но копа, производя судъ въ присутствіи помѣщика, рѣшила дѣло иначе, предоставивъ истцу право выбрать изъ присутствовавшихъ въ собраніи крестьянъ шесть мужей, которые должны были присягнуть, что они о покражѣ ничего не знаютъ и преступника не вѣдаютъ. Крестьяне, твердо зная свое копное право, присягать отказались, сказали: »Ужъ какъ ты себѣ хочешь, панъ Коровай, а мы присягать не пойдѣмъ и не хотимъ; такъ какъ Хведько Игнатовъ сынъ вызналъ, что сыны Кузьмичовы везли чрезъ село хмѣль, отъ саду пана Евстафія Коровая ко двору своего помѣщика«. Тогда панъ Коровай выбралъ одного изъ шести сходатаевъ, крестьянина Гераська Кузьмича, и требовалъ отъ него одного присяги. Герасько Кузьмичъ также присягать отказался. Тогда копа опредѣлила декретомъ своимъ, что Герасько Кузьмичъ, отказавшійся присягнуть по требованію пана Коровая, долженъ заплатить за весь вредъ, причиненный покражею въ саду пана Коровая. Такимъ приговоромъ нарушено было копное право въ существенныхъ его основаніяхъ. Такъ какъ общинный союзъ оказывался безсильнымъ для предупрежденія преступленій и для водворенія безопасности, то помѣщики устанавливали между собою *заруку*: они заключали договоръ, по которому крестьяне одного селенія, причинившіе вредъ другому селенію, обязаны были, сверхъ удовлетворенія за убытки, платить денежный штрафъ, опредѣленный договоромъ ¹⁾.

¹⁾ Книга гродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ.

Въ слѣдствіе жалкаго состоянія крестьянъ и ихъ безусловной зависимости отъ помѣщиковъ, народныя сельскія собранія теряли довѣріе; ихъ копное право выходило изъ употребленія, ихъ судебныя приговоры оставались безсильными, возбуждал презрѣніе помѣщиковъ. Такъ однажды объявленъ былъ приговоръ копы помѣщицѣ Хребтовичевой въ Богурицѣ. На основаніи этого приговора, вся копа, въ полномъ составѣ, явилась къ помѣщицѣ и требовала, чтобъ она приказала уряднику своему заплатить за покражу вола. Пани Хребтовичева отвѣчала: »Я на голое слово мужицкое платить не приказываю« ¹⁾. Наконецъ, въ XVII вѣкѣ, нѣкоторые помѣщики вовсе запретили своимъ крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и принимать участіе въ общинныхъ судахъ. Въ 1602 году, собиравшая копа во Владимірскомъ повѣтѣ, около села Могильна. Крестьяне села Овадна, входившаго въ составъ общины, не явились на вѣче. Тогда сходатаи отпразднили отъ себя депутатовъ въ село Овадно и требовали, чтобъ крестьяне этого села явились на копу, крестьяне села Овадна сказали депутатамъ: »Мы рады были бы на копу идти, да паны наши приказали, чтобы мы ни на какую копу не ходили; поэтому, боясь своихъ пановъ, не пойдѣмъ« ²⁾.

Изображенное нами состояніе сельскихъ общинъ югозападной Руси, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, доказываетъ, что это установленіе уже отжило свой вѣкъ, что оно какъ остатокъ древности, противурѣчило новымъ формамъ общественной жи-

¹⁾ См. прилож. II.

²⁾ Книга гродская Владимірская 1601 года, листъ 131.

зни и должно было исчезнуть отъ разширенія власти правительственныхъ мѣстъ и лицъ, отъ нравственнаго и экономическаго упадка поселянъ, наконецъ отъ постепеннаго возрастанія власти помещиковъ надъ крестьянами¹⁾.

Н. Иванитевъ.

¹⁾ Представленное мною изслѣдованіе не рѣшаетъ окончательно вопроса о сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи. Я разсмотрѣлъ около трехъ сотъ актовыхъ книгъ; но въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ находится такихъ книгъ 6716 и, сверхъ того, 377,307 отдѣльныхъ актовъ. Подобные же Центральные архивы учреждены въ Вильнѣ и Витебскѣ. Въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ находится 9370 актовыхъ книгъ; число актовыхъ книгъ въ Витебскомъ архивѣ мнѣ не извѣстно. Но самыя древнія актывыя книги, съ 1384-го по 1784-й годъ, хранятся во Львовѣ, въ Бернардинскомъ монастырѣ, въ числѣ трехъ тысячъ томовъ. При взглядѣ на эту массу почти не тронутыхъ письменныхъ памятниковъ, дѣлается понятнымъ, почему самыя важныя вопросы, касающіеся внутренней жизни древней Руси, остаются нерѣшенными, не смотря на добросовѣстныя усилія нашихъ ученыхъ: мы еще слишкомъ мало изслѣдовали и издали въ свѣтъ историческихъ матеріаловъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Жалоба королевскаго повара Васька Степановича о томъ, что Сенько Туровичъ и Демьянъ Федцевичъ, въ присутствіи копы, собранной на вѣчь въ дубравѣ, замучили пыткой отца его Степана. Показаніе урядоваго вижа. 1564-го Апрѣля 18.

Року 1564, мѣсяца Апрѣля 18 дня, у волторокъ.

Пришодчи передъ мене Андрѣя Ивановича Русина, подстаростего Луцкаго, кухарь Его Королевское милости, Васько Степановичъ Велицкій, съ пріятелими своими, жаловаль плачливе а обтежливе на подданного ее милости, княгини Матѣевое Четвертенское, княгини Овдотьи Федоровны Вагановского, найма на Сенка Турецковича, челоуѣка Подлѣскаго, и на помочника его Демьяна Федцевича, подданнаго ихъ милости, князя Василя и князя Марка Солтановичовъ Сокольскихъ, Корсынскаго, оповѣдаючи

I.

1564 года, Апрѣля 18-го дня, во вторникъ.

Явившись предо мною, Андрѣемъ Ивановичемъ Русинномъ, подстаростою Луцкимъ, поварь Его Королевской милости, Васько Степановичъ Велицкій, съ пріятелими своими, съ плачемъ, горько жаловался на Сеньку Турецковича, челоуѣка Подлѣскаго, брестянина ея милости, княгини Матѣевои Четвертенской, княгини Авдотьи Федоровны, урожденной Вахановской, и на помощника его Демьяна Федцевича, Корсынскаго крестьянина ихъ милостей, князей Василя и Марка Солтановичей Сокольскихъ, объявляя свою жалобу слѣдующими словами: »Прошлою осенью, въ истекшемъ тысяча пять сотъ шестьдесятъ третьемъ

тымъ обычаемъ: ижъ дей осени прошлое, року минулого шестьдесятъ третьяго, подраны пчелы ихъ зъ бортей на дуброве, о што дей теперешнихъ часовъ, у недѣлю прошлую, мѣсяца Априля шестаго-надцать дня, тыи подданныи вышейменованные, Сенько и Демьянъ, збирали копу, хочетися виноватаго доискати, на которой дей копѣ были люде Велицкіе, Селецкіе, Подлескіе, Арсоновскіе, Корсынскіе, Читогицкіе, Бреховскіе и Угольскіе. Тогда дей, тамъ въ дуброве, на вечю, Сенько а Демьянъ, маючи вазнь на отца моего Степана, безъ жадное вины, кромъ знайдена копного, одно свовольне, пофативши отца моего силою мощю, стали его прутьемъ бити, повѣдаючи: если дей на немъ чего не домучимо, мы дей то гораздъ заплатимо; чего дей копа имъ забороняла и прочъ пошла. А они дей его безвинней, одно зъ вазни а гнѣву своего, прутьемъ били, мордовали, огнемъ палили и тамъ же

году, выдраны были изъ бортей въ дубравѣ пчелы, принадлежавшія поименованнымъ выше крестьянамъ, Сеньку и Демьяну. По этому случаю, недавно, въ прошлое воскресенье, Апрѣля шестнадцатаго дня, Сенько и Демьянъ собирали копу, чтобъ доискаться виноватаго. На этой копѣ были люди Велицкіе, Селецкіе, Подлѣскіе, Арсоновскіе, Корсынскіе, Читогицкіе, Бреховскіе, и Угольскіе. Въ означенный выше день, въ дубравѣ, на вѣчѣ, Сенько и Демьянъ, питая вражду къ отцу моему Степану, безъ всякой съ его стороны вины, не слушая копнаго приговора, а только по своеволю, насильно схвативъ отца моего, начали его бить прутьемъ, говоря: «если мы отъ него ничего не домучимся, то за муку дадимъ хорошую плату». Копна запрещала имъ это, пошла прочъ. А они, безвинно, только по враждѣ и гнѣву своему, били его прутьемъ,

его на смерть замордовали, а ничего ся на немъ не домучили. Ико жъ, на обвоженье и на огледанье оного трупу небожчика Степана, отца своего, Васько Степановичъ Велицкій бралъ у меня вижомъ, зъ уряда замку Луцкаго, боярина господарскаго Красносельскаго, Миколая Марковича, который вижъ, тамъ бывши, оттоля прѣхаль, и ставши передо мною, въ замку Луцкомъ, до книгъ замковыхъ тыми словами созналъ: Ижъ будучи мне въ Тристени подъ Велицкомъ, у кухаровъ господарскихъ, и маючи при себѣ сторону людей добрыхъ, огледалъ есми трущъ, тѣло небожчика Степана, кухара господарскаго, и видѣлъ есми, што все тѣло збито и окрутне огнемъ попадено. А потомъ, ѣхавши до Велицка, пытали есмо людей Велицкихъ: Юшка Бортниковича, Яцка Кузмича и сусѣдовъ ихъ, ко-

мучили, жгли огнемъ, и тамъ же его на смерть замучили, не домучившись отъ него никакого признанія. Въ слѣдствіе чего. Васько Степановичъ Велицкій, для изслѣдованія дѣла и для осмотра трупа покойнаго Степана, отца своего, бралъ у меня вижомъ, изъ уряда замка Луцкаго, Николая Марковича Красносельскаго, боярина господарскаго, который, побывавъ на мѣстѣ преступленія, оттуда прѣхаль, и, явившись передо мною въ замкѣ Луцкомъ, донесъ, для записанія въ замковыя книги, слѣдующее: «Былъ я въ Тристени подъ Велицкомъ, у поваровъ господарскихъ, и, вмѣстѣ съ сторонними добрыми людьми, осматривалъ трущъ, тѣло покойнаго Степана, повара господарскаго, и видѣлъ, что все тѣло избито и пожжено огнемъ. А потомъ отправившись въ Велицкъ, спрашивали мы людей Велицкихъ: Юшка Бортниковича, Яцка Кузмича и сосѣдей ихъ, которые на томъ вѣчѣ были, спрашивали также и сельчанъ: «По какой причинѣ Сенько и Демьянъ избили, измучили

торые на томъ вѣчу были, такъ тежъ и сельчанъ: для чего тотъ истый Сенько и Демьянъ оного Степана, кухара господарскаго, збили, змордовали на смерть замучили: естли же за усказаньемъ, або зъ знайденья копного, чили пакъ свовольне то вчинили? Тогда люде Велицкіе, подданные наша Малинскаго и пана Ивана Яцковича Борзобогатаго, владыки Володимірскаго, такъ тежъ и сельчане, одностальными словы повѣдили: Ижъ копа оного Степана, кухара господарскаго, Сеньку и Демьяну на жадную муку не всказовала; бо дей онъ давалъ на то выводъ, ижъ у мельницы, меду пресного пчоль своихъ, отбежныхъ все весны, выбравши, мѣщанину Мельницкому Занкуви за шестнадцатъ грошей продалъ, якожъ дей и слатися до того мѣщанина Мельницкого хотѣлъ. А они дей, не посылаючи ся тамъ, ани припускаючися на выводъ его, одно

и на смерть замучили Степана, повара господарскаго: по приказанію ли и приговору копы, или свовольно? Люди Велицкіе, крестьяне наша Малинскаго и пана Ивана Яцковича Борзобогатаго, владыки Владимірскаго, а также и сельчане единогласно показали: »Копна не присуждала Сеньку и Демьяну повара господарскаго, Степана, ни на какую муку, потому что Степанъ давалъ выводъ, утверждая, что онъ, выбравъ пресный медъ у мельницы, оставшійся отъ пчель, улетѣвшихъ нивѣшнюю весною, продалъ этотъ медъ мѣщанину Мельницкому Занку, за шестнадцатъ грошей; при чемъ, Степанъ хотѣлъ снести ся съ тѣмъ мѣщаниномъ Мельницкимъ. Но Сенько и Демьянъ, не сносясь съ мѣщаниномъ Мельницкимъ, и отвергая оправдательный доводъ обвиняемаго, свовольно, безъ личнаго и въ противность праву, поймали Степана, начали его бить и мучить, не смотря на то, что копа Подрезская имъ запрещала и ихъ къ тому не допускала«. Засвидѣтельствовавъ

свовольне, его безъ лица и кромъ права, поймавши, стали бити и мучити, чего дей имъ и Подрезская копа заборовила и не допускала. Што Васько Степановичъ, сынъ небожчиковъ, мною, вижемъ врьдовымъ, освѣтчивши, а оттоля до дому пріѣхавши, оный трупъ, тѣло отца своего, поховати далъ. И, хотечи Васько Степановичъ о томъ говорити, просилъ, абы было записано. А такъ я твою жалобу, оповѣданье его, и вижово сознание въ книги замковые записати казаль.

это показаніе мною, вижемъ урядовымъ, и пріѣхавъ домой, Васько Степановичъ, сынъ покойнаго Степана, велѣлъ похоронить трупъ отца своего. Имѣя намѣреніе начать объ этомъ искъ, Васько Степановичъ просилъ, чтобы означенное выше показаніе было записано; поэтому я, какъ жалобу истца, такъ его показаніе и донесеніе вижа, приказалъ записать въ замковыя книги.

(Книга гродская Луцкая 1564 года, листь 62 на оборотѣ).

II.

Копный судъ о покражѣ вола, 1570, генваря 12.

Року 1570, мѣсяца Генваря 12 дня.

Ставши очевисто въ замку Луцкомъ, передо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростимъ Луцкимъ, возный повету Луцкого, Яско Опарицескій, оповѣдилъ и до книгъ гродскихъ тыми словы созналъ: Ижъ дей, будучи мне зъ уряду приданнымъ на справы се

II.

1570 года, мѣсяца Генваря, 12 дня.

Явившись лично въ замкъ Луцкомъ, предо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростою Луцкимъ, возный повѣта Луцкаго Яско Опарицескій, объявилъ для записанія въ книги гродскія, созналъ нижеслѣдующее: »Былъ я отряженъ урядомъ, по иблѣ ея милости, паньи Ивановой Хребтовича Богуринской,

милости пани Ивановой Хребтовича Богуринское, паней Любце Дчусанце, и сыномъ ее милости, будучи мнѣ въ Богурине, поведила ее милость, пани Богуринская, ижъ дей року прошлаго шестьдесятъ девятого, у великій постъ, украдено у боярина моего Богуринского, Томила Гаркевича, вола зъ обборы, и онъ дей о того вола, воддугъ обычаю, собравши копу все село Богуринское: люди съ части пани Василевое Хребтовичовое, люди мои и люди съ части пани Петровое Хребтовичовое, опытъ чинилъ обычаемъ коннымъ. Врядникъ дей паней Петровое, Нестеръ, не выслушавши обыску того боярина моего Томилца и почаль говорити, переказиваючи ему рѣчь, на першой копѣ, не заховаючи веддугъ обычаю конного, и прочь самъ пошолъ, и подданныхъ созвалъ съ кони. Копя дей, не чинечи коротько, сказала дей боярину моему еще

паньи Любки Дчусанки, и сыновой ея милости. И когда я былъ въ Богуринѣ, то ея милость, пани Богуринская, объявила мнѣ: «Въ прошломъ тысяча пятьсотъ шестьдесятъ девятомъ году, въ великій постъ, украденъ вола зъ хлѣва, у боярина моего Богуринского, Томила Гаркевича, который, слѣдуя обычаю, собиралъ на копу все село Богуринское: людей изъ участка паньи Василевои Хребтовичевои, моихъ людей, также людей изъ участка паньи Петровои Хребтовичевои, и производилъ распросъ коннымъ обычаемъ. На первой копѣ урядникъ ея милости, паньи Петровои, Нестеръ, не выслушавъ розыска, произведеннаго бояриномъ моимъ Томилцомъ, началъ говорить, перебивая его рѣчи, нарушая обычай коннаго права. За тѣмъ, не выслушавъ распроса, обругалъ моего боярина и пошелъ прочь, созвавъ и крестьянъ съ кони. Копя, не допуская поблажки, присудила моему боярину еще разъ собрать копу. Бо-

копу збирати. Тотъ дей бояринъ мой собралъ и другую копу, село наше спольное, вси люди съ части пани Петровои и люди съ части пани Василевои, а къ тому и стороннихъ людей, то есть зъ Новоставецъ, зыменя пана Подскарбега, подданного его милости, Осипа Семеновича, а подданного князя Ярославовича, съ Прусь, Томила Микитича, а врядника пана Михаила Вильгорского Симоновского Кондрата, которые, вжо будучи на копѣ другой, ждали часть немалый врядника паней Петровои, ажъ по него посылали, абы на копу пришло. И когда вжо онъ на копу пришло съ подданными паней своеи, почаль дей на первой, обачивши стороннихъ людей, пытати, чога бы на копу пришли, хто бы ихъ послалъ? И тѣе люди стороннии поведили, ижъ дей за прозьбою боярина ея милости, паней Богу-

яринъ мой собралъ и другую копу, на которой было все наше общее село, всѣ люди изъ участка паньи Петровои и люди изъ участка паньи Василевои, а также стороннии люди, а именно: изъ имѣнія его милости, пана подскарбія, Новоставецъ, крестьянинъ Осипъ Семеновичъ, изъ Прусь—крестьянинъ князя Ярославовича, Томило Микитичъ, и Симоновскій урядникъ пана Михаила Вильгорского, Кондратъ. Эти люди, уже собравши на вторую копу, долгое время дожидались урядника паньи Петровои, и принуждены были послать за нимъ, чтобы на копу пришло. И когда онъ пришло на копу съ крестьянами своеи паньи и увидѣлъ стороннихъ людей, то, прежде всего, началъ спрашивать, зачѣмъ они на копу пришли, и кто ихъ послалъ? И тѣ люди стороннии, сказали, что они посланы урядниками пановъ своихъ, по просьбѣ боярина ея милости, паньи Богуринской. Тогда урядникъ паньи Петровои, Нестеръ, началъ говорить: найду де я виноватаго; напрасно мы здѣсь трагитимъ

ринское, отъ вриадниковъ пановъ своихъ есмо тутъ послани. Вриадникъ тежъ паней Петровой, Нестеръ почаль говорити: »изнайду дей я виноватаго, на-
 прасно ся тутъ бавимъ«. А кгда то вымовиль, бо-
 яринъ дей мой Богуринскій, Томило почаль тые
 слова его копою освѣдчати: «Што дей я вжо непо-
 виненъ искати, нехай дей ищеть, коли такъ гово-
 ритъ.» И копа, то все обачивши, почали вриадника
 паней Петровой пытати, если бы онъ ведалъ о томъ,
 хто того вола вкраль, ижъ его обещаь се знаидо-
 вати, абы того злодѣя на той копе объявилъ, если-
 бы на той же копе былъ, або гдѣ инде, абы, вод-
 лугъ повести своея, поведилъ; бо дей где его твоя
 милость не знаймишь, якосъ самъ мовиль, уже дей
 тогъ бояринъ ее милости панее Багуринское не по-
 виненъ опыту большъ чиняти. Але гдѣй дей твоя
 милость того злодея, водлугъ повести своея, не
 ознаймишь, то дей твоя милость того вола
 ему заплатити мусишь. Вриадникъ дей паней

время«. Какъ только онъ это сказалъ, тотчасъ бояринъ мой
 Богуринскій, Томило, началъ свидѣтельствовать эти слова ко-
 пою, говоря: »Я уже больше не повиненъ искать виноватаго:
 пусть онъ ищеть, когда такъ говорить«. Копа, все это уви-
 дѣвши, начала спрашивать урядника пани Петровой, знаетъ ли
 онъ, кто вола украль? »Такъ какъ твоя милость обѣщаль найти
 виноватаго, то долженъ объявить вора на этой же копѣ, и,
 согласно своему обѣщанію, сказать: находится ли онъ здѣсь
 на копѣ, или гдѣ индѣ? Потому что, если твоя милость не
 объявишь вора, какъ ты самъ обѣщаль, то бояринъ панья Бо-
 гуринской уже не повиненъ будетъ производить распрость, а
 твоя милость долженъ будешь заплатить за украденнаго вола«.
 Видя это, урядникъ панья Петровой, началъ увертываться
 иными словами, и объявилъ, что онъ ни искать, ни объявлять
 вора не хочетъ. Копа, выслушавъ это, отложила дѣло до третей

Петровой, видечи то, почаль се съ того ин-
 шими словы выламовати, ижъ того виновата-
 таго яко самъ знаидовати, такъ тежъ и объявити
 не хотель. Копа, тому ся прислухавши, и отложила
 до третей копы, которая гды ся зобрала, бояринъ
 мой Богуринскій, не отступуючи ничего того, што
 на другой копе было, просиль копы, абы ему на
 томъ вриаднику паней Петровой, Нестору, водлугъ
 словъ его было сказано, съ чого ся вриадникъ се
 милости только упоромъ выламоваль, не хотечи ви-
 новатаго знаидовати, яко самъ мовиль, ани обя-
 вити. Копа то слышачи, всказали того вола, на вря-
 днику паней Петровой, Нестору, боярину моему, за
 слухънымъ доводомъ, што за того вола давано,
 две копы грошей Литовскихъ, и рокъ заплате по-
 ложили за чотыры недели. За прозьбою моею тая
 копа и люди сторонніи передъ панеею Петровою

копы. И когда собралась третья копа, то бояринъ мой Богу-
 ринскій, не отступая ни въ чемъ отъ производства дѣла, быв-
 шаго на второй копѣ, просиль копу присудить урядника панья
 Петровой, Нестора къ уплатѣ за украденнаго вола; такъ какъ
 этотъ урядникъ только по одному упорству, противясь требо-
 ванію копы, не хотѣлъ ни объявить, ни отыскивать виноватаго.
 Копа, слыша это, приговорила взыскать съ урядника панья
 Петровой, Нестора, за украденнаго вола, въ пользу моего боя-
 рина, назначивъ такую цѣну, какую, по законному удосто-
 вѣренію, давали за того вола цокупцики, именно двѣ копы
 грошей Литовскихъ; срокъ платежа назначенъ по истеченіи
 четырехъ недѣль. По просьбѣ моея, копа и люди сторонніе
 сознали свой судъ предъ панеею Петровою. Я и сама отъ себя
 посылала, по этому дѣлу, къ панья Петровой, прося, чтобы
 она приказала своему уряднику заплатить моему боярину, за

судь свой сознали. За што я сама, просечи, послала до паней Петровой, абы того вола врияднику своему боярину моему казала заплатити. Ее милость отказала: »ижъ дей я на голое слово мужицкое врияднику своему за того вола платити не кажу.« Едежъ тая копа и сторона, передо мною вознымъ Луцкимъ, Яскомъ Опарипескимъ, то сознали: Яко копа была, што на ней будучи, межи тымъ урядникомъ паней Петровое и бояриномъ паней Богуринское точилося, и яко передъ пани Петровою копа и сторона визнавали, и пани Петровая прошна отъ пани Богуринское, абы то на рокъ пани Петровая врияднику своему казала то заплатити, и што пани Петровая отказала, то мнѣ повѣдили.« И просила ее милость пани Богуринская, веснолокъ зъ сынами своими, абы то было записано. А такъ я тое очевистое возного сознание до книгъ гродскихъ записати казаль.

украденнаго вола. Ея милость, панья Петровая, отвѣчала: »Я де, на голое мужицкое слово, уряднику своему, за того вола, платити не приказываю«. Тамъ же вышеозначенная копа и люди сторонніе сдѣлали передо мною, вознымъ Луцкимъ, Яскомъ Опарипескимъ, показаніе о томъ, какъ собиралась копа, что происходило на этой копѣ между урядникомъ паньи Петровой и бояриномъ пани Богуринской, какъ предъ паньею Петровою, копа и люди сторонніе объявляли свой притоворъ, и какъ пани Богуринская просила, чтобы пани Петровая приказала своему уряднику заплатити за украденнаго вола, въ назначенный срокъ, и что отвѣчала на это пани Петровая; все это мнѣ рассказали. И просила ея милость, пани Богуринская, вмѣстѣ съ сыновьями своими, чтобы это было записано. По этому я вышеизложенное личное донесение вознаго приказалъ записать въ гродскія книги.

(Книга гродская Луцкая 1570 года, листъ 19 на оборотѣ).

III.

Копный судъ о поджогахъ. Копя ведетъ слѣдъ. Рѣшеніе копнаго суда. 1583, Генваря 2.

Року 1583, мѣсяца Генваря 2 дня.

Ставши предо мною Фалелеемъ Бережецкимъ, на тотъ часъ будучимъ на мѣстцу пана Станислава Петровскаго, подстаростего Луцкаго, въ замку господарскомъ Луцкомъ, Шляхетный Матьсъ Хорковскій жаловаль и оповедалъ тыми словами: Што жъ дей суседове мое, близко суграничники, зыменя Рожиць люде, на слѣдъ шкодника моего выйти нехотели; а мне дей великіе кривды и шкоды немалые, отъ ихъ стороны, починилися, а шкодника дей своего межи ними ведати не могу, хде ся переховываетъ, а они дей его выявити и на слѣдъ выходити не хочуть. Авже дей ми то не пооднокротъ зъ сто-

III.

1583 года, мѣсяца Генваря, 2 дня.

Предо мною Фалелеемъ Бережецкимъ, исправляющимъ временно должность пана Станислава Петровскаго, подстаросты Луцкаго, явившись въ замкъ господарскомъ Луцкомъ, Шляхетный Матьсъ Хорковскій, жаловался, объявляя свою жалобу слѣдующими словами: »Сосѣди мои близкіе, пограничные люди изъ имѣнія Рожиць, не хотѣли выйти на слѣдъ моего шкодника, а мнѣ, съ ихъ стороны, нанесены великія обиды и причиненъ вредъ немалый, а шкодника своего между ними вѣдать не могу, и не знаю, гдѣ онъ скрывается, а они открытъ его и на слѣдъ выйти не хотятъ. И уже мнѣ не впервый разъ, съ ихъ стороны, причиняется вредъ, неизвѣстно кѣмъ: жгутъ и опустошаютъ все мое имущество и именье мое, село Кобче, данное мнѣ для провормленія его вельможною милостию,

роны ихъ, нѣтъ ведома отъ кого, шкода такая ми ся ставаетъ, штожь маѣтность мою всю и имене-чко мое, село Кобче, которое еси милъ на выхыване отъ его великое милости, княжати Марка Сокольского, пана моего милостивого, тое ми палять и пустошати, не ведаю хто таковой. И тими часы, недавно прошлыми, въ року тысяча пять сотъ осмьдесятъ второмъ, мѣсяца Ноября двадцатпятаго дня, зъ недѣли на понедѣлокъ, оттоль же ночью, праве у первоспы, злодѣйскимъ обычаемъ подышедши, уже то пятый кротъ, и будуване тежъ пятое спалено, которого будованя жаднымъ обычаемъ уборонити ани маѣтности дей своее выратовати еси не могъ; гдыжь, презъ того злого шкодника дей и презъ неоднократное палене его и пустошене села и маѣтности моее, великіе дей шкоды маю и поношу, болшей нижи на чотыриста копъ грошей Литов-

княземъ Маркомъ Сокольскимъ, паномъ моимъ милостивымъ; это имѣніе жгутъ и опустошаютъ, а виноватаго я не вѣдаю. И теперь, въ недавнее время, въ тысяча пятьсотъ осмьдесятъ второмъ году, мѣсяца Ноября двадцать пятаго дня, съ недѣли на понедѣльникъ, ночью, ровно во время перваго сна, кто-то, подошедши воровскимъ обычаемъ, уже въ пятый разъ, сжегъ пятое строеніе. Этого строенія я никакимъ способомъ защитити и имѣнія своего спасти не могъ. Такою необратною поджою и опустошеньемъ села, имущества моего причинены мнѣ, шкодникомъ моимъ, великіе убытки, болѣе чѣмъ на чотыреста копъ грошей Литовскихъ. Чтобъ отыскать шкодника, я, въ понедѣльникъ утромъ, собралъ людей добрыхъ, сосѣдей околичныхъ, смѣжныхъ сходатаевъ Рожицкихъ, изъ всѣхъ сель, ниже поименованныхъ: изъ Любча, изъ Рудки, изъ Козина, изъ Става, изъ Соловина, изъ Дуца, изъ Навоза, изъ Сокола, изъ Смер-

скихъ. За которымъ дей шкодникомъ своимъ, рано въ понедѣлокъ, зобравши дей еси людей добрыхъ, суседовъ околичныхъ, а сходатаевъ Рожицкихъ суграничныхъ, зо всихъ сель тыхъ меновите помененыхъ: зъ Любча, зъ Рудки, съ Козина, зъ Ставу, зъ Соловина, зъ Дуца, зъ Навоза, зъ Сокола, зъ Смердина; къ тому тежъ людей сторонныхъ: зъ Суека, зъ Володковщизны, зъ Носячевичъ, зъ Лукова, зъ тою всею копою, слидъ погналь, который следъ ни чій иншій, только шкодника дей моего. Отъ тое пожежи копа, взявши зъ села моего Кобча следъ, одвела ажъ до границы на грунтъ ихъ Рожицкій, неподалеко одного сельца и врочища ихъ Свинохъ, тамъ где чебени мешкають. Тамъ же дей копа вся, на томъ слѣду зостановивъшися, и послала до того сельца ихъ, зовучи на слидъ, абы они шли. Они дей выйти не хотели. А такъ дей ко-

дина; сверхъ того людей стороннихъ: изъ Суека, изъ Володковщизны, изъ Носячевичъ, изъ Лукова. Со всею этою копою, я погналь слѣдъ, который былъ ни чей иной, какъ только моего шкодника. Копа, взявъ слѣдъ отъ пожарища, отвела его, изъ моего села Кобча, до границы земли Рожицкой, недалеко отъ сельца и урочища Свинохъ, гдѣ живутъ пастухи. Остановивъшися тамъ на слѣду, вся копа послала въ Рожицкое сельцо Свинохи и звала жителей, чтобъ шли на слѣдъ; но они выйти не хотѣли. По этому копа, не уклоняясь отъ строгости права, переночевавъ на слѣду, во вторникъ утромъ, снова послала отъ себя добрыхъ стороннихъ людей, ко всѣмъ селамъ Рожицкимъ, какъ къ своимъ сходатаимъ: въ село Свиначы, Топольное, въ село Старое Рожище, въ Волю Рожицкую и Пожарки, приглашая на копу, и требуя, тчобы жители изъ сельца Свинохъ, гдѣ пастухи живутъ, также жители изъ всѣхъ сель

ца, не чинячи имъ въ томъ кородкости права, переночевавши дей на следу, рано волторокъ, послала съ копы знову до всихъ селъ Рожицскихъ, яко до сходатаевъ своихъ, людей добрыхъ сторонныхъ: до Свинчанъ и до Топольного, такъ тежъ до села Старого Рожица и до Воли Рожицкое, и Пожарковъ, звещаючи имъ на копу, и о томъ, абы Свинчане, где чебени живутъ, съ того селца люде, такъ тежъ зо всихъ селъ Рожицкихъ, вышедши на грунтъ, свой Рожицкй, отъ границы следъ шкодниковъ, отъ всее копы тое, взяли, а зъ грунту своего Рожицскаго, воде стародавнее свиклости, ажъ до иншого границы, вывели. То какъ дей тые вси села Рожицскіе, звышпомененные звистку того слухати, ани на копу выйти и слиду того взяти выводити не хотели. Штожъ дей копа въ томъ имъ еще была фолбгу учинила, послала съ копы человека добраго,

Рожицскихъ, вышли на свою Рожицскую землю, взяли бы на границѣ этой земли, отъ всей копы, слѣдъ шкодника, и вывели бы этотъ слѣдъ изъ своей земли Рожицской до иной границы, по стародавнему обычаю. Но всѣ вышеозначенные села Рожицскія ни слушать позва, ни выйти на копу, ни взятъ и отвести слѣдъ не хотѣли. Копа оказала имъ снисхожденіе тѣмъ, что еще разъ послала отъ себя добраго чловѣка, къ уряднику Рожицскому Степану Калениковичу, требуя, чтобы Рожицскіе крестьяне его милости, пана владыки Луцкаго, вышли на копу, созванную со стороны пана Сокольскаго: потому что шкода никому не мила; при томъ же, издавна между нами отыскивають преступника ничѣмъ инымъ, какъ только копою. Поэтому, Рожицчане, будучи издавна нашими сходатаями, если бы на копу не вышли, всѣ или одно изъ ихъ селъ, то весь причинный преступникомъ вредъ падеть на нихъ. Но урядникъ

до врядника Рожицкого, найма до Степана Калениковича, ознаймуючи ему о томъ, абы подданные его милости, пана владыки Луцкаго, Рожицскіе на тую копу, отъ стороны Сокольскіе зозваную, вышли; бо дей шкода пикому не мила, гды жъ дей здавна межи нами шкодника ничимъ, одно копою доходятъ; гдыжъ дей они, яко сходатае наши здавна будучи, где бы не вышли, хотя бы одно село не стало на копи, тогда дей и къ тому шкода тая приложена отъ копы будетъ. А такъ дей врядникъ тотъ самъ того слухати, такъ тежъ подданнымъ ознаймити того не хотель. Гдыжъ имъ копа знову, чрезъ свое посланцы, третій разъ, звестила, абы вышли на копу; вони, подобно дей чуючи межи собою шкодника моего, и на тотъ заказъ ничего не дбали, и на копу выйти, и о себе справы ниякое дати не хотели. Видечи то копа упоръ ихъ великй, тогды,

Рожицскй не хотѣлъ ни самъ слушать, ни объявить объ этомъ крестьянамъ. Копа снова, въ третій разъ, требовала чрезъ своихъ посланцевъ, чтобъ на копу вышли; но они, догадываясь, вѣроятно, что между ними находится преступникъ, не уважали и этого позва, на копу выйти и отвѣта о себѣ дать не хотѣли. Копа, видя такое великое упорство ихъ, тотъ же часъ, стоя на томъ же слѣду, послала въ урядъ за вознымъ, и съ этимъ вознымъ и съ сторонними людьми, приговорила всѣ села Рожицскія, за ихъ невыходъ, къ уплатѣ всѣхъ убытковъ, причиненныхъ мнѣ преступникомъ. « За тѣмъ, болѣе десяти чловѣкъ изъ копы, явившись въ урядѣ замка господарскаго Луцкаго, въ тотъ же день, вышеозначеннаго числа, объявили слѣдующими словами: » Мы, вмѣстѣ съ вознымъ и сторонними людьми, присланы въ урядъ Луцкй, отъ копы, отъ всей нашей великой громады, для вызнанья и объявленія суда своего коннаго, а

на тумъ же слѣду стоячи, по возного себе до вряду послала, а съ тумъ вознымъ и зъ людьми сторонъ-ными, тая копа въся шкоды мое на все села Рожичскіе, за невыходъ ихъ вложила. А такъ съ тое копы, человека окольдесять, постановивъшися на вряде въ замку господарскомъ Луцкомъ, тогожь дня и даты вышешописаное, повидали тыми словы: ижъ дей мы, отъ всее громады нашое великое, до вряду Луцкого, на вызнанье и на отказованье суду своего копнаго зъ вознымъ и стороною прислани есмо отъ копы, то есть меновите: Лукьяна зъ Навоза, пана Анѣдрія Загоровского подданный; съ тогожь Навоза Сивулаша, князя Марка Сокольского подданный; Гриць зъ Смердина, пана Щасного, Харлинскаго, подкоморого Киевского, подданный; съ тогожь Смердина Ивана князя Сокольского подданный; съ Дуца Моисея а Трута, а зъ Сокольна

именно: Лукьянъ крестьянинъ пана Андрея Загоровскаго изъ Навоза, Сивулашъ, крестьянинъ князя Марка Сокольскаго изъ того же Навоза, Гриць крестьянинъ пана Щаснаго Харлинскаго, подкоморія Киевскаго, изъ Смердина, изъ тогоже Смердина Иванъ, крестьянинъ князя Сокольскаго, изъ Дуца Моисей и Трутъ, а изъ Соколина Куць и Ивашко, крестьяне тогоже пана Сокольскаго, изъ Любча Несторъ, крестьянинъ князя Григорія Любецкаго, изъ Рудки Феня, а изъ Козина Данило, изъ Ставу Симонъ, изъ Соловина Бартошъ, крестьяне того же князя Любецкаго, изъ Любча Онисько и Кондрать изъ Рудки Кунць изъ Става, Исаія изъ Соловика, крестьяне ея милости, пави Николаевой Харлинской, изъ Любча Янъ Ляхъ, крестьянинъ князя Григорія Коширскаго; притомъ сторонніе люди: изъ Лукова Прокопъ и Мишко Ждановичъ, крестьяне пана Андрея Загоровскаго, изъ Сусва Юско Романчичъ, изъ Нося-

Куца а Ивашка, тогожь князя Марка Сокольского подданные; зъ Любча Нестера, князя Григорія Любецкаго подданный; зъ Рудки Феня, а съ Козина Данила, зъ Ставу Симона, зъ Соловина Бартоша, тогожь князя Любецкаго подданные; зъ Любча Ониска, Кондрата, зъ Рудки, Кунца зъ Ставу, Исая зъ Соловика, ея милости панее Миколаевое Харлинское подданные; зъ Любча Яна Ляха, князя Григорія Коширскаго подданный. При томъ стороныхъ людей: зъ Лукова Прокопа а Мишка Ждановича, пана Андрея Загоровского подданные; зъ Сусва Юска Романчича, зъ Носячевичъ Антона, пана Щаснаго Харлинскаго подданные, зъ Володковщизны Остапа, князя Василя Сокольского подданные. Штожь мы вызнаваемъ отъ всее копы, ижъ дей тыхъ сель въ сихъ звышъ помененыхъ здавна о шкоды въшедякые зъ Рожичаны, на границу, або где колвекъ

чевичъ Антонъ, крестьяне пана Щаснаго Харлинскаго, изъ Володковщизны Остапъ, крестьянинъ князя Василя Сокольскаго. Веѣ, мы, посланцы, объявляемъ отъ всей копы, что вышешописаннаго села издавна сходились съ Рожичанами для изслѣдованія всякаго вреда, причиненнаго преступникомъ, на границѣ, или гдѣ бы ни былъ причиненъ вредъ; а теперь ни одинъ изъ нихъ, для изслѣдованія вреда, причиненнаго сосѣду нашему пану Хорковскому, ни выйти на слѣдъ шюдника, ни дать о себѣ надлежащаго свѣдѣнія не хотѣлъ. А такъ какъ, по нашему копному праву, выходъ всегда платитъ за вредъ, понесенный истцомъ; то поэтому вся копа, поступая по копному праву и стародавнему обычаю своему, присудила веѣ убытки истца взыскать съ сель Рожичскихъ, за ихъ невыходъ. Веѣдствие чего, копа, въ присутствіи вознаго и стороннихъ людей, подвергла взысканію веѣ села Рожичскія, за ихъ не-

школа, тамъ схоживалися личити, а теперъ до насъ на ликъ о шкоды сусѣда нашего, пана Харьковского, на слѣдъ шкодника его, ни одинъ зъ ныхъ выйти, такъ тежъ о собе справы слушное дати не хотели. А ижъ дей, водле права нашего копного, невыходъ всегды платитъ шкоды; штожъ копа вся, заховуючися водле права копного и звычайу стародавнего своего, шкоду тую, ко всеимъ селомъ Рожицскимъ, за невыходъ ихъ, приложила, и, маючи дей при собе возного и сторону, тую шкоду ко всеимъ селомъ Рожицскимъ, за невыходъ ихъ, приложила, осумовавши, а подлугъ менованя шкодъного, на шкоды его доводъ ему всказала. Што менечи собе шкодныи такъ, яко чотыриста копъ грошей Литовскихъ; а тумъ же, передъ нами копою всею, передъ вознымъ и стороною. панъ Матысъ Хорьковский самотреть доводъ учинилъ, а мы теи ему шкоду его присудили на вѣхъ

выходъ, оцѣнивъ убытки согласно съ показаніемъ истца, который, по опредѣленію копы, долженъ былъ подтвердить свое показаніе присягою. Истецъ, панъ Матысъ Хорьковский, оцѣнилъ понесенные имъ убытки въ чотыреста копъ грошей Литовскихъ, и тамже предъ нами, предъ всею копою, въ присутствіи вознаго и стороннихъ людей, самъ-третей, подтвердилъ свое показаніе присягою. А мы присудили ему взысканіе на вѣхъ селахъ Рожицскихъ, съ тѣмъ, чтобы эти села, удовлетворивъ пана Хорьковского, искали себѣ виноватаго. Въ слѣдъ за тѣмъ, возный повѣта Луцкаго, Войтехъ Яблонскій, явившись лично предо мною, здѣсь же въ замкѣ господарскомъ Луцкомъ, объявилъ, для записанія въ книги городскія Луцкія, слѣдующее: »Будучи отряженъ урядомъ на вышепоманутую копу, присутствовалъ я, вмѣстѣ съ двумя шляхтичами, панами Яномъ Несебенцкимъ и паномъ Матысомъ

селахъ Рожицскихъ, абы они, заплативши тую шкоду пану Хорьковскому, а собе виняного искали Гдыжъ возный повету Луцкаго, Войтехъ Яблонскій, постановившись обличные передо мною, тутъ же въ замку господарскомъ Луцкомъ, тогожъ дня, тымижъ словы до книгъ городскихъ Луцкихъ ку записованую созналъ. Штожъ дей я, будучи зъ уряду приданнымъ до копы тое и маючи дей я при собе двухъ шляхтичовъ: пана Яна Несебенцкаго а пана Матыса Выгоновского, при томъ людей добрыхъ сторонныхъ звышпомененныхъ, при которыхъ дей я будучи у громады великой, копе, которая была отъ пана Матыса Хорьковского зобрана, на слѣду шкодника его, у границы, на грунте Рожицскомъ, року осемдесять второго, мѣсяца Ноября двадцать осмого дня, тамъ же на тотъ часъ видѣлъ есми слѣдъ и ступы человечіе къ селцу Рожицкому, где чебани мешкають, идучи на который слѣдъ зъ Рожицское стороны, гды громада кликала и пытала,

Выгоновскимъ, а также съ сторонними добрыми людьми, на копѣ, великой громадѣ, которая была собрана паномъ Матысомъ Хорьковскимъ, на слѣду шкодника его, у границы на землѣ Рожицкой, въ тысяча пять сотъ осемдесять второмъ году, мѣсяца Ноября двадцать восьмаго дня. Тамъ же, въ это время, видѣлъ я слѣдъ и ступни человѣчія по дорогѣ къ селцу Рожицкому, гдѣ живутъ пастухи. Громада, дойдя по этому слѣду до земли Рожицкой, кликала и вызывала Рожицанъ; но ни одинъ человѣкъ съ ихъ стороны не отозвался, никто не вышелъ и не взялъ слѣда. Копы засвидѣтельствовала невыходъ ихъ мною вознымъ и сторонними людьми. За тѣмъ я осматривалъ вредъ, причиненный пану Хорьковскому въ имѣніи его Кобчемъ и видѣлъ пять домовъ, сожженныхъ со всеми прина-

а жаденъ человекъ зъ ихъ стороны къ нему выйти и его узяти не озвался. Што дей копа мною вознымъ и стороною освѣтчила невыходъ ихъ; а шкodu пана Хорьковского, тамъ же на тотъ часъ будучи вымечечку его Кобчи, видилъ еси домовъ пять зо всею оселею поаленныхъ, а три хатъ тутошнихъ. А такъ тую шкodu копа вся, при томъ возномъ и стороне тамъ осумовада; при которой шкodi его, копа ему самотретему доводъ учинить всказала, што себе онъ шкodi четырста копъ грошей Литовскихъ менячи бытъ. Панъ Хорьковскій на томъ доводъ самотреть учинилъ. Якожъ дей то, за доводомъ его слушнымъ, водле права и артикулу шостого въ разделе чотырнадцатомъ учиненнымъ, копа вся приложила шкodu его ко всемъ селумъ Рожицскимъ, за невыходъ ихъ, и всказала тую суму пану Матысу Хорьковскому, за шкodi его, на нихъ, абы дей они, тое заплативши, а себе винного искали. А такъ тотъ судъ свой копный, копа вся, чрезъ

длежностями, и три тамошнія хаты. Копа, оцѣнивъ весь этотъ вредъ, при мнѣ возномъ и стороннихъ людяхъ, опредѣлила, чтобъ истецъ самъ-третей подтвердилъ оцѣнку понесенныхъ имъ убытковъ присягою. И панъ Хорковскій, оцѣнивая свои убытки въ четыреста копъ грошей, подтвердилъ это самъ-третей присягою. На основаніи этого законнаго доказательства, согласно артикулу шестому въ раздѣлѣ чотырнадцатомъ Статута, вся копа опредѣлила взыскать за вредъ, причиненный преступникомъ, со всѣхъ селъ Рожицскихъ, за ихъ невыходъ, и вышеозначенную сумму присудила пану Матысу Хорковскому съ тѣмъ, чтобы Рожищане, уплативъ эту сумму, искали себѣ виноватаго. Такой судъ копный объявила мнѣ уряду вся копа, чрезъ вознаго и поименованныхъ выше стороннихъ людей,

вознаго повету Луцкого, Войтеха Яблонского, и сторону звышшпомененую, мнѣ уряду объявила и половицу пересуду дала. Штожъ я, не отступуючи права посполитаго и статуту Великаго князства Литовскаго, сложилъ еси рокъ заплате пенежной, тымъ чотыремъ сотъ копамъ, подлугъ артикулу пятьдесятдевятого въ разделе четвърьтомъ, на каждую сто копъ двѣнадцать недель. А такъ плачонъ быти маеть, почонъши отъ сего дня, мѣсяца Генваря второго дня, втомъ року осемдѣсятъ третемъ. А такъ я тое оповеданье пана Хорьковского и вознаго созване, такъ тежъ объященье, черезъ сторону, суду ихъ копного, которая притомъ была, и рокъ заплате, отъ уряду положонный, до книгъ гродьскихъ Луцькихъ записати еси казалъ.

давъ половину пересуда. Въ слѣдствіе чего, я, не отступая отъ права посполитаго, статута Великаго Князства Литовскаго назначивъ срокъ для уплаты чотырехъ сотъ копъ, согласно артикулу пятьдесятъ девятому раздѣла чотвертаго, то есть, на каждые сто копъ, двѣнадцать недѣль, считая срокъ съ нынѣшняго втораго числа мѣсяца Генваря, осемдѣсятъ третьяго года. За тѣмъ я вышеизложенное объявленіе пана Хорковскаго, донесеніе вознаго, также засвидѣтельствованіе стороннихъ людей о копномъ судѣ и срокъ для уплаты денежнаго взысканія, урядомъ назначенный, приказалъ записать въ гродскія Луцкія книги.

(Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 76—79).

IV.

Слѣдствіе и распросъ громады о найденномъ въ городѣ Дубнѣ трупѣ неизвѣстнаго убитаго человѣка. Донесеніе вознаго. 1596 Августа 5.

Року тысяча пять сотъ девятьдесятъ постога, мѣсяца Августа, пятого дня.

Пришедши на врьдъ замку его королевское милости Луцкаго, передь мене Александра Сѣмашка на Хупковѣ, Кашталяна Браславскаго, старосты Луцкаго, урожонный панъ Петръ Сметанковичъ Былчинскій, урядникъ Дубенскій княжати его милости, пана воеводы Кіевского, оповедалъ тыми словами: »ижъ дей въ року теперъ идучомъ девять десять шостомъ, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, въ понедѣлокъ рано, праве на свѣтанью, въ мѣстѣ Ду-

IV.

Тысяча пятьсотъ девяносто шестаго года, мѣсяца Августа, пятого дня.

Явившись въ урядъ Луцкаго замка его королевской милости, предо мною Александромъ Сѣмашкомъ на Хупковѣ, каштеляномъ Браславскимъ и старостою Луцкимъ, благородный панъ Петръ Сметанковичъ Былчинскій, Дубенскій урядникъ князя, его милости, пана воеводы Кіевского, объявилъ слѣдующими словами: »Въ нынѣшнемъ девяносто шестомъ году, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, въ понедѣльникъ утромъ, на самомъ разсвѣтѣ, мѣщане Дубенскіе нашли тѣло неизвѣстнаго убитаго человѣка, въ городѣ Дубнѣ, на Швецкой улицѣ; и не извѣстно, былъ ли этотъ человѣкъ убитъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и привезенъ въ Дубно, или кто нибудь убилъ его въ этомъ городѣ. Я, согласно съ правомъ посполитымъ, три раза собиралъ громаду, въ томъ же городѣ Дубнѣ, изъ мѣщанъ и

бенскомъ, на улицы Швецкой, мѣщане Дубенскіе нашли тѣло человѣка забитого, незнаемого, котораго не ведати, если, гдѣ индеи хтось забивши, подвезъ, аболи тежъ хто тутъ въ мѣстѣ забилъ. На што дей я, заховаючися водъле права посполитого, мѣщанъ и предъмещанъ Дубенскихъ, по три разы громаду, тамъ же въ мѣстѣ, чинилъ, на которыхъ всякъ трохъ громадахъ, нихто не позналъ, хто и откуль той человѣкъ былъ. И о томъ мужобойцы, не могучисе припытать, на тѣретей остатней гѣромаде, всказалемъ дей имъ всеимъ присягнуть; якожъ дей и присягнули на томъ мужобойцы, отъ кого се стало, межи собою не ведаютъ, и не суть причинцами сами того мужобойства, а ни его знаютъ, откуль и кто былъ.« И кгда то на врьде панъ Былчинскій оповедалъ, то кгда заразомъ тогожъ року, мѣсяца и дня звыщыменованного, по-

предмѣщанъ Дубенскихъ, а также изъ сель околичныхъ Дубенскихъ. На всѣхъ этихъ трехъ громадахъ никто не узналъ, кто былъ убитый, и откуда. И такъ какъ я не могъ допытаться, кто былъ убійца, то, на послѣдней, третей громадѣ, приказалъ присягнуть всемъ вышеозначеннымъ людямъ, которые присягнули въ томъ, что они не знаютъ между собою убійцы, что они сами не были причиною убійства, и убитаго не знаютъ кто онъ, и откуда. И когда панъ Былчинскій объявилъ это въ урядѣ, то, тотъ же часъ, въ томъ же году, вышеозначеннаго мѣсяца и числа, явившись лично предо мною Япъ Валевскій, Генеральный возный воеводства Волинскаго, донесъ соѣдующее: »Былъ я приглашенъ на слѣдствіе, паномъ Петромъ Сметанковичемъ Былчинскимъ, урядникомъ Дубенскимъ, въ нынѣшнемъ девяносто шестомъ году, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, а при мнѣ была шляхта, сторонніе люди.

становившися обличне передо мною, Янъ Валевскій, возный евераль воеводства Волынскаго, созналъ тыми словами: «якъ дей, будучи мне взятымъ на справу отъ пана Петра Сметанковича Былчинскаго, урядника Дубенскаго, въ року теперъ идучомъ девять десятъ шостомъ, мѣсяца Юля двадцать второго дня, а маючи я при себе сторону шляхту, былъ еси въ мѣстѣ Дубнѣ и видѣлъ еси чоловѣка на смерть забитого, лежачого, на марахъ, посередъ rynku Дубенскаго, противъ церкви Святого Микола. Тамъ же мещане и предъмещане Дубенскіе и зъ селъ околичныхъ Дубенскихъ подданные были на громаду зобравые. И оповѣдалъ передо мною вознымъ панъ Былчинскій, ижъ дей, дня сегодняшнего, въ понедѣлокъ, рано на свитанью, мещане Дубенскіе нашли того чоловѣка, на смерть забитого, въ мѣстѣ тутошнимъ Дубенскомъ, на улицы Швецкой. Тыжежъ мещане и вся громада

Прибывъ въ городъ Дубно, я видѣлъ чоловѣка убитаго на смерть, лежащаго на носилкахъ, посреди рынка Дубенскаго, противъ церкви Святого Николы. Тутъ же были собраны на громаду мѣщане и предъмѣщане Дубенскіе и крестьяне изъ селъ околичныхъ Дубенскихъ. И объявилъ предо мною вознымъ панъ Былчинскій, что сего дня, въ понедѣльникъ, утромъ на разсвѣтѣ, мѣщане Дубенскіе нашли этого чоловѣка, убитаго на смерть, въ здѣшнемъ городѣ Дубнѣ, на Швецкой улицѣ. Мѣщане Дубенскіе и вся громада объявляли и показывали мнѣ раны на тѣлѣ убитаго: голова и все лицо избиты, такъ что едва можно узнать, что чоловѣкъ былъ; а на затылкѣ двѣ раны, нанесенныя, вѣроятно, сѣкиркою, и все тѣло синее, избитое. И сказали мнѣ мѣщане и вся громада: Мы де этого чоловѣка не знаемъ, и не вѣдаемъ, откуда онъ, и кто его убилъ; не знаемъ также, не былъ ли онъ убитъ

оповедали и оказывали мнѣ на томъ тѣлѣ раны, то есть голова и тварь вся избита, ледво знать, что чоловѣкъ былъ, и въ тылѣ головы двѣ раны, знать сокиркою тятые, и все тѣло синее побито, котораго дей чоловѣка незнаемо, ни ведаемо, откуда былъ, и кто его забилъ, аболи тежъ неведаемо, если его откуда инудъ забитого не подвезено и тутъ покинено. Потомъ панъ Былчинскій, тымъ же мещаномъ, и предъмещаномъ, и селамъ околичнымъ, на громаду другую зыйтысе, для лепшого выведеня и опыту, приказалъ, на день двадцать четвертый, мѣсяца Юля въ року теперешнемъ девять десятъ шостомъ, на тоежъ мѣстѣ, на рынокъ Дубенскій, и того чоловѣка забитого тамъже вынести казаль, и выведыванье на той громаде, межи тыми всеми подданными, водлугъ права, передо мною чинилъ, якобы се могъ довидать, хто его забилъ, кто и откуда

гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, подвезенъ въ нашъ городъ и здѣсь покинуть. Потомъ панъ Былчинскій приказалъ тымъ же мѣщанамъ, предъмѣщанамъ и селамъ околичнымъ, для лепшого изслѣдованя и распроса, сойти на вторую громаду, на тоже мѣсто, на рынокъ Дубенскій, нынѣшняго девяного шестаго года, мѣсяца Юля, двадцать четвертаго дня. На этой громадѣ, панъ Былчинскій, приказавъ вынести убитаго на тоже мѣсто дѣлалъ, въ моемъ присутствіи, распросъ между всѣми означенными выше людьми, стараясь вывѣдать, кто и откуда былъ убитый, и кто его убилъ. Но никто изъ нихъ не отозвался, кто бы убитаго зналъ, или вѣдалъ, откуда онъ былъ. Не могли также довѣдаться и объ убійцѣ, а также и о томъ, не былъ ли убитый привезенъ изъ какого нибудь другаго мѣста. За тымъ, панъ Былчинскій, подъ страхомъ наказаня, въ правѣ посполитомъ назначеннаго, приказалъ еще разъ со-

былъ. Нишли никто не отозвался, абы его мель знать и ведать, откуда былъ. Также и о томъ мужобойцы, хто его забилъ, або откуда если бы подвезенъ забитый былъ, доведати се не могли. За чимъ панъ Былчинскій, подъ виною, въ праве посполитомъ описавоу, тымже мѣщанамъ и селамъ околичнымъ Дубенскимъ, што и перво были, то есть: селу Ранчину, селу Погорелцомъ, селу Иваню, селу Головничамъ, селу Вознесеню, селу Тороканову и селу Подборцамъ, на тоежь мѣсце на рынокъ Дубенскій, противъ церкви Святого Микола, на громаду казалъ, зложивши имъ рокъ на день соботній, тогожь мѣсяца Юля, двадцать шестого дня. Кгды оные вси, такъ яко и перво, на громаду зшедшисе, при томъ тѣлѣ, которое было до нихъ третій разъ вынесено, выведанье водле права, хто его забилъ, и откуда, той человекъ былъ, чинили; а панъ Былчинскій,

братся на громаду, на томъ же мѣстѣ, на рынокъ Дубенскомъ, противъ церкви Св. Николы, тѣмъ же мѣщанамъ и селамъ околичнымъ Дубенскимъ; которыя и прежде собирались, а именно: Селу Ранчину, селу Погорѣльцамъ, селу Иваню, селу Головничамъ, селу Вознесеню, селу Тороканову и селу Подборцамъ. Срокъ для этого назначенъ въ субботу, того же мѣсяца Юля двадцать шестаго дня. И когда всѣ, какъ и въ первый разъ, сошлись на громаду, при трупѣ, который былъ въ третій разъ вынесенъ къ нимъ, то дѣлали, согласно съ правомъ, распросъ, допытывался, откуда былъ убитый, и кто его убилъ. А панъ Былчинскій, какъ урядникъ тамошній, еще особо объ этомъ спрашивалъ. Когда и на этой третей, послѣдней громадѣ, сходатаи ничего между собою о томъ убитомъ человекѣ не допытались, тогда панъ Былчинскій, поступая согласно съ правомъ, опредѣлялъ декретомъ

яко врядъ тамошній, межи ними особливе се о томъ пыталъ. А кгды, и на той третей, остатней громаде, о томъ человекку забитомъ межи собою не допытали, тогда имъ всимъ панъ Былчинскій, водле права, декретомъ своимъ наказалъ присегу, яко его не знали, о мужобойцы межи собою не ведаютъ, и никто зъ нихъ причійною того мужобойства не есть, которую присягу каждый зъ нихъ передо иноу вознымъ, при теле забитого, передъ церковью Святого Микола, за выданемъ роты, водлугъ декрету вышѣменованого, учинили. Што мноу вознымъ и стороною панъ Былчинскій освѣтъчивши, тое тѣло на цвинътару у костела римского, въ мѣстѣ Дубенскомъ, поховать казалъ. По которомъ оповеданю своемъ и при созваню возного, просилъ панъ Былчинскій, абы то было до книгъ записано; штомъ я записати казалъ.

своимъ, чтобы всѣ вышеозначенные люди присягнули въ томъ, что они убитого не знали, убійцы между собою неведуютъ, и что никто изъ нихъ не былъ виновникомъ убійства. Такую присягу каждый изъ нихъ, на основаніи вышеозначеннаго декрета, по выданной формѣ, учинилъ предо мноу вознымъ, при трупѣ, предъ церковью Св. Николы. Засвидѣтельствовавъ все это мноу вознымъ и сторонними людьми, панъ Былчинскій приказалъ похоронить трупъ на кладбищѣ у католическаго костела, въ городѣ Дубнѣ«. Послѣ такого объявленія, подтвержденнаго донесеніемъ вознаго, просилъ панъ Былчинскій, чтобы это объявленіе записано было въ книги; и я записать приказалъ.

(Книга гродская Луцкая 1596 года, листъ 588).

V.

Копный судъ о покражѣ меду изъ борти и о сожженіи бортнаго дерева. 1608 Мая 15.

Року тысяча шесть сотъ осьмаго, мѣсяца Мая пятнадцатъ дня.

На вряде гродскомъ, въ замку его королевской милости Володимерекомъ, передо мною Томашемъ Козиковскимъ, буртграбимъ и намѣстникомъ подстароства Володимерекого, постановившае обличие подданный Его королевской милости Стеферицкій Федоръ войтъ, Кратлипчя присяжникъ, Лучка Павася присяжникъ, Олешко Дещя присяжникъ, Юсько Ярмаковичъ присяжникъ, а подданные его милости пана Юська Овлучимскаго, писара земскаго Володимирскаго зъ Овлучима: Яцко

V.

Тысяча шестьсотъ восьмаго года, Мая пятнадцатаго дня въ урядѣ гродскомъ, въ замкѣ его королевской милости Владимірскомъ, являлись лично, предо мною, Томашемъ Козиковскимъ, буртграфомъ и намѣстникомъ подстароства Владимірскаго, крестьяннѣ его королевской милости Федоръ Стеферицкій войтъ, присяжный Кратлипчя, присяжный Лучка Павася, присяжный Юшко Ярмаковичъ, а съ ними крестьяне его милости, пана Юська Овлучимскаго, писара земскаго Владимірскаго изъ Овлучима: Яцко Бортникъ, Федоръ Бутковичъ и крестьяннѣ пана Ивана Овлучимскаго изъ Овлучима, Янко Бортникъ, также крестьяне пана Фридриха подсудка Хельмскаго, изъ Великой Вербы и изъ Руды: Яско Попковичъ, Иванъ Гриценя, Совтунъ Соченя, Симонъ Юсковичъ, сами отъ себя и отъ всѣхъ другихъ сосѣдей своихъ, бывшихъ на правѣ коп-

бортникъ, Федоръ Бутковичъ, а подданный пана Ивана Овлучимскаго зъ Овлучима Янко бортникъ, а подданные пана Фридриха, подеудка Хельмьскаго, зъ великое Вербое и зъ Руды: Ясько Попковичъ, Иванъ Гриценя, Совтунъ Саченя, Симонъ Юсковичъ, сами отъ себе и отъ всѣхъ явшихъ сусѣдовъ своихъ, на правѣ копномъ будущихъ, и при нихъ возные енеральные, шляхетные Наумъ Кузьминскій и Стефанъ Ковалевскій, ку записаню до книгъ кровскихъ, визнади тыми словы: »Ижъ въ року теперъ идучомъ, тысяча шесть сотъ осьмомъ, мѣсяца Априля двадцатаго дня, будучи намъ везванымъ на копу, отъ ее милости панее Магдалены зъ Овлучима Абрамовое Пузовской, на мѣстцѣ певное, въ боръ Пузовскій, за Бѣлинымъ полемъ, и кгда съми тамъ въ бору Пузовскомъ, на той копѣ засели, теды ее милость пани Абрамова Пузовская, передъ нами и

номъ А при нихъ были генеральные возные, шляхетные Наумъ Кузьминскій и Стефанъ Ковалевскій. Вышепоименованныя лица объявили, для записанія въ гродскія книги, слѣдующее: »Въ нынѣшнемъ тысяча шестьсотъ восьмомъ году, мѣсяца Априля, двадцатаго дня, были мы позваны на копу, отъ ея милости, пани Магдалины изъ Овлучима Аврамовой Пузовской, на назначенное мѣсто, въ боръ Пузовскій, за Бѣлинымъ полемъ. И когда мы тамъ, въ бору Пузовскомъ, засѣли на копѣ, то ея милость, пани Аврамова Пузовская, предъ нами и въ присутствіи ихъ милостей пановъ шляхты: Павла Пузовскаго, Мавсима Лудовича, Яна и Шимана Вербскихъ, и въ присутствіи всѣхъ крестьянъ ихъ, жаловалась слѣдующими словами: »Въ нынѣшнемъ тысяча шестьсотъ восьмомъ году, мѣсяца Априля, втораго дня, причиненъ мнѣ вредъ: подрублена сосна бортная, восемь лѣтъ нелаженная; медъ выбранъ, а сосна сожжена«.

при бытности их милости пановъ шляхты: пана Павла Пузовскаго, Пана Максима Лудовича, пана Яна и пана Шимана Вербскихъ, и всѣхъ подданныхъ ихъ, жаловала въ тые слова: »Ижъ въ року теперешнемъ тысяча шесть сотъ осьмомъ, мѣсяца Априля, второго дня, стала ми се въ бору шкода: подрубано сосну бортную, отъ осьми лѣтъ неподглядану, и съ тое сосны медь выбрано, и сосну спалено«. И въ той шкоде своей дала вину паней Васильевой Вербской, и пану Семену Русальскому, и пану Мартину Андрузскому, и пану Павлу Дахновичи. И просила насъ, абыхмо, съ повинности наше, до пановъ Вербскихъ послали, упоминаючи ихъ, абы они сами, за всѣми подданными своими зъ Вербое и зъ Вохновичъ, передъ нами на копе стали и въ тое шкоде панее Пузовское справу о себе

Въ этомъ поступкѣ она обвиняла панью Васильевую Вербскую, пана Семена Русальскаго, пана Мартына Андрузскаго, и пана Павла Дахновича, и просила насъ, чтобы мы, по своей обязанности, послали къ панамъ Вербскимъ, и пригласили ихъ явиться предъ нами на копу со всѣми крестьянами изъ Вербое и изъ Вохновичъ, для оправданія въ означенномъ выше обвиненіи. Мы посылали къ обвиняемымъ съ повѣсткою поименованныхъ выше возныхъ. Но такъ какъ паны Вербскіе сами передъ нами на копѣ, на мѣстѣ преступленія, не явились, крестьянъ своихъ не представили и никакого отъ себя не дали ни отвѣта, ни извѣстія; то мы, не окончивая этого дѣла, для лучшаго распроса и изслѣдованія, отложили до другой копы, то есть, до двадцать седьмага дня, того же Апрѣля мѣсяца. И когда насталъ этотъ срокъ, то всѣ мы, вышеозначенныя лица, засѣвъ на прежнемъ мѣстѣ, на копѣ, послали, по просьбѣ паньи Аврамовой Пузовской, тѣхъ же возныхъ, въ

дали. До которыхъ мы возныхъ звышъменованныхъ, упоминаючи, посылали. А ижъ предреченныя панове Вербскіе, на томъ же мѣстцу, где се шкода стала, ани сами передъ нами на копе не стали, ани подданныхъ своихъ не поставили, и жадное вѣдомости и справы о себе не дали; теды мы, не коньчечи тое справы, одложили есьмо оную, для дешшого опыту и вывѣдованія, до другое копы, то есть, до дня двадцать семого, мѣсяца тогожь Априля. А кгда тотъ рокъ припалъ, теды мы всѣ, особы звышъменованыя, на томъ мѣстцу, на той копе, засѣвши, за домовнянемъ се паней Аврамовое Пузовское, послали есмо тыхъ же возныхъ перво поименованныхъ до Вербое и Вохновичъ, до панее Васильевое Вербское, до тыхъ пановъ вышпоименованныхъ, абыхмо, съ повинности своей, упоминаючи, абы они сами передъ нами на той копе стали и подданныхъ своихъ всѣхъ ставили. А ижъ они, яко первой, такъ и по-

Вербое и Вохновичи, къ паньи Васильевой Вербской и къ вышепоименованнымъ панамъ, напоминая, по своей обязанности, чтобы они сами явились предъ нами на копѣ и всѣхъ крестьянъ своихъ представили. Но они, какъ въ первый, такъ и во второй разъ, и сами не явились предъ нами, и крестьянъ своихъ не представили. Поэтому мы, не окончивая дѣла для лучшаго распроса и изслѣдованія, отложили до третьей копы, то есть, до будущей пятницы, до четвертаго числа Мая мѣсяца. И когда этотъ срокъ назначенный для третьей копы, насталъ, то всѣ мы, вышеупомянутыя лица, судьи копные, засѣвъ на этой копѣ, по просьбѣ паньи Аврамовой Пузовской, послали въ третій разъ тѣхъ же возныхъ, въ Вербое и Вохновичи, къ вышепоименованнымъ панамъ Вербскимъ, напоминая имъ, чтобы они сами явились предъ нами и крестьянъ

томъ другіи разъ, передъ нами яко не стали и подданныхъ своихъ не ставили, теда мы, яко и первой, не кончили тое справы, оную, для лучшего опыту и выведованя, еще отложили есмо до третіе копы, то есть, до пятницы пришлое, до дня четвертого Мая. А вгды тотъ рокъ, той коне назначенный, припалъ, и мы все особы звышменованные, судьи копные, тамъ же на томъ мѣстцу, где се шкода стала, на той коне засѣвши, за домовеннемъ се панее Абрамовое Пузовское, третій разъ посылали есмо тыхъ же возныхъ звышменованныхъ до Вербое и Вохновичъ, до впродѣреченныхъ пановъ Вербскихъ, упоминачи ихъ, абы они сами передъ нами на коне стали и подданныхъ своихъ поставили. А ижъ они за першимъ другимъ и третимъ посылаемъ и упоминаемъ нашимъ, передъ нами сами не стали, и подданныхъ своихъ не становили, и жадное вѣдомости и справы о себе не дали, теда мы все, судьи

своихъ представили. Но они, какъ послѣ первого и второго, такъ и послѣ третьяго посланія и напоминанія нашего, и сами предъ нами не явились; и крестьянъ своихъ не представили, и никакого отвѣта и свѣдѣнія о себѣ не дали. Тогда мы все, судьи копные, которыхъ было около полутора ста человекъ, поступая по обычаю права нашего копнаго, вида упорное непослушаніе поименованныхъ выше пановъ Вербскихъ и крестьянъ ихъ, засвидѣтельствовавъ все это возными и бывшею при насъ шляхтою, опредѣлили декретомъ своимъ възискать удовлетвореніе, за весь вредъ, причиненный паней Аврамовой Пузовской, съ поименованныхъ выше пановъ Вербскихъ, съ нихъ самихъ и съ крестьянъ ихъ Вербскихъ. Мы нашли также и знакъ на бортовой соснѣ, на колодѣ, клеймо паней Федоровой Пузовской, а на этомъ клеймѣ — клеймо паней

копные, которыхъ насъ было о полутора ста, захолючися въ томъ водлугъ звычайу права нашего копнаго, бачечи упоръ непослушества впродѣреченныхъ пановъ Вербскихъ и подданныхъ ихъ Вербскихъ, осветчивши то все возными звышменованными и шляхтою, при насъ будучою, декретомъ нашимъ, тую всю шкоду панее Абрамовое Пузовское до впродѣреченныхъ пановъ Вербскихъ, и самихъ, и подданныхъ ихъ Вербскихъ, приложили есмо. Яжъ же и знавъ на той сосне на колоде, клеймо панее Федоровое Пузовское, а въ немъ клеймо панее Абрамовое Пузовское, презъ бортника панее Васильвое Вербское положено, знали есмо, и оное тыми жъ возными освѣтчили и шляхтою менованою. «Где, тутъ же, очевидно ставши передо мною на вриде, возные, менованные: Наумъ Кузьминскій и Стефанъ Ковалевскій, тое право копное въ тые же слова, яко и сами судьи, сознали: ижъ тамъ, на томъ мѣстцу, притомъ всемъ, были и по три кротъ до Вербое и Вохновичъ ездили и всихъ пановъ Вербскихъ, именъ звышменованныхъ, въ домехъ ихъ, очевидно заставши, упоминали, абы они сами на

Аврамовой Пузовской, положенное бортникомъ паней Васильвоей Вербской, которое клеймо мы засвидѣтельствовали шляхтою». Здѣсь же, явившись лично предо мною, въ урядѣ, возные: Наумъ Кузьминскій и Стефанъ Ковалевскій, сознали вышесказанный копный судъ, тѣми же словами, какъ сознавали и сами копные судьи, то есть, что они на мѣстѣ копнаго суда были, при всемъ тѣлопроизводствѣ присутствовали, что три раза ѣздили въ Вербое и Вохновичи, каждый разъ заставляли всѣхъ вышепоименованныхъ пановъ Вербскихъ въ домахъ ихъ

копе становились и подданных своих ставили; вижи они, за всеми трома разы, не становились и подданных своих не становили. Которое жь то очевидное сознание судей копных и возных преречонных, за принятем моимъ, есть до книгъ кгродскихъ записано.

и напоминали, чтобъ они сами явились на копѣ, и крестьянъ своихъ представили. Но они, послѣ всѣхъ трехъ напоминаній, на копу не явились и крестьянъ своихъ не представили. Это личное показаніе судей копныхъ и вышепоименованныхъ возныхъ принято мною и записано въ градскія книги.

Книга градская Владимірская 1608 года, листъ 286.

VI.

Судъ сельской громады о воровствѣ; пытка и смертная казн. 1622, Декабря 9.

Року тысяча шесть сотъ двадцать второго, месеца Декабря, девятого дня.

На вряде градскомъ, въ замку его королевской милости Володимерскомъ передо мною Станиславомъ Собанскимъ, бурграфимъ замку Володимерского, и книгами нынешними кгродскими старостинскими, ста-

VI.

Тысяча шестьсотъ двадцать второго года, мѣсяца Декабря, девятого дня.

Въ урядѣ градскомъ, въ замкѣ его королевской милости Владимірскомъ, предо мною Станиславомъ Собанскимъ, бурграфомъ замка Владимірскаго, и предъ кнѣгами нынѣшними

новши очевидное шляхетный Микола Закревскій, возный земскій, генераль воеводства Волинскаго, для записаня до книгъ нынешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ явне, ясно и добровольне возналь и на письме реляцію свою, подаль тыми словы писаную и такъ ся всебе мающую: — Actum est anno 1622, mense decembri, 8 die, w majątności Nizkieniczach iego mości pana Adama Kysiela, przy bytności urodzonych ich mościów panów: Jana Sembla, Piotra Kałusowskiego, Stephana Więtczyka, tudzis duchowney osobe, oycsa Eremei swieszczzenika Spaskiego, z majątności iego mości, księdza władyki Włodzimierskiego, Tyszkowicz, y przy poddanych z roznych wsi okolicznych, to iest: Samoyle Bartoszowicza, z gromady Butiatickiej, y przy Fiedku Sięku z gromady Tyczkowskiej, Lewku Repiachu z gromady Wareskiej, majątności iego mości pana

градскими старостинскими, явившись лично шляхетный Николай Закревский земский генеральный возный воеводства Волинскаго, созналъ явно, ясно и добровольно, для вписанія въ нынѣшнія градскія Владимірскія книги, и подаль на письмѣ свою реляцію, написанную слѣдующими словами и заключающую въ себѣ нижеслѣдующее: — Дѣялося въ 1622-мъ году, Декабря 8-го дня, въ имѣніи его милости, пана Адама Киселя, Низкеничахъ, въ присутствіи благородныхъ ихъ милостей пановъ, Яна Сембля, Петра Калусовскаго, Стефана Вѣнтчика, также въ присутствіи духовной особы, Спасскаго священника, отца Іеремиѣ изъ Тышковичъ, имѣнія его милости владыки Владимірскаго, также въ присутствіи крестьянъ изъ разныхъ сель околичныхъ, а именно: при Самуилѣ Вартошевичѣ изъ громады Бутятицкой, при Федкѣ Сенкѣ изъ громады Тышковицкой, Левкѣ Репяхѣ, изъ громады Вареской, изъ имѣнія пана судьи Львовскаго, и при многихъ иныхъ. Въ это время, по доносу Низкеницкаго крестьянина Николая Щербача, поставленъ былъ на судъ, предъ всею громадою Низкеницкою, по

Sędziego Lwowskiego y przy wielu ynych. Tudziś, przy wsztkiej gromadzie Nizkienickiej, za instigowaniem poddanego Nizkienickiego Mikołaja Szczerbacza, postanowiony iest do sądu, według zwyczajai i prawa pospolitego, więzieniem zwyczajnym opatrany, nieiaki Wasko, syn Jurii Czerewka, tak iako się on być mianował, ze wsi Zawisznia, dobr. do starostwa Sokalskiego należących, s takowym przełożeniem skargi i obwinięcia: iż ten pomieniony człek, przepomniawszy boiazni Bożey, niepomniąc na dobrodzieystwo, którego zażywał pierwiey, służąc teraz instigującemu, rozprawiwszy się z nim zwyczajnym sposobem, płacą swoją ukontentowany, czwartego dnia, po odeściu z Nizkencicz, w nocy, sposobem złodziejskim podszedszy, wziół i ukradł u skarżącego się konia w szyrść ciemno myszatego, którego on sobie szacował złotych czterdzieście, z wozem y z chomątem, na podworzu, u tego to instigującego, y

обычаю и праву посполитому, подь обычнымъ арестомъ, какой-то Васько, сынъ Юрія Черевка, какъ онъ самъ называлъ себя, зъ села Завишня, принадлежащаго къ староству Сокальскому. На него представлена была слѣдующая жалоба и обвиненіе: «Поименованный человекъ; забывъ страхъ Божій, не помни благодѣяній, которыми пользовался прежде, а служивъ вышеозначенному истцу, рассчитавшись съ нимъ обыкновеннымъ способомъ и получивъ условленную плату, отправился ночью, четвертаго числа, изъ Низкеничъ, а потомъ, подкравшись воровскимъ способомъ, взялъ и укралъ у истца, на подворьи, коня, шерстью темномышастаго, оцѣниваемаго истцомъ въ сорокъ золотыхъ, съ возомъ и хомутомъ, и съ украденнымъ конемъ уѣхалъ». Воръ былъ отыскиваемъ вездѣ и застигнутъ въ селѣ Голубяхъ, имѣнни вельможнаго его милости пана Станислава Жоравинскаго, кастеляна Белзскаго. Потомъ, по требованію того же истца, воръ былъ выданъ старостою и громадою вышеозначеннаго села. Тамъ же воръ, тотчасъ признался въ своемъ преступленіи, и объявилъ, гдѣ онъ оставилъ и припряталъ коня,

z onym koniem kradzionym uiechał. Który to złodzi, gdy był szukany wszędzie, przyscigniony iest w maiętności wielmożnego iego mości pana Stanisława Żorawińskiego, Kastellana Bielzskiego, we wsi Holubiach. A potem, za requirowaniem tegoż instigującego, od starosty y gromady tameyszey wydany. Który, tam zaraz, do uczynku swego przyznawy się, o koniu, gdzie go zostawił y przychował wyznał, to iest na Wolce za Sokaliem, wsi należącej do Sokala. Którego to konia ten pomieniony instigujący odszukawszy, takową skargę przełożywszy, oraz złodzieja z licem do sądu stawił, postąpiwszy w tym sobie prawnie, sposobiwszy szlachetnego Mikołaja Zakrzewskiego, generała wojewodstwa Wołyńskiego, y mistrza Jaska z miasta Torczyna, requirował y prosił, aby według zasług swoich y według prawa był osądzony. A przeto, urodzeni ich mości wysz pomienieni, tudziś pomienieni wysłani z gromad, wespol z gromadą Nizkienicką, przychiliwszy się do prawa y statutu pisa-

именно за Сокалемъ, въ селѣ Вольѣ, принадлежащемъ къ Сокалю. Отыскавъ украденнаго коня, истецъ ставилъ вора на судъ вмѣстѣ съ полицнымъ. Представивъ означенную выше жалобу, сообразно съ законами, пригласивъ генеральнаго вознаго воеводства Воłyнскаго, шляхетнаго Николая Закревскаго и палача Яска, изъ города Торчина, онъ требовалъ и просилъ, чтобы воръ былъ осужденъ по законамъ, по мѣрѣ его вины. Въ слѣдствіе чего, вышепоименованные ихъ милости, также лица, присланныя отъ громадъ, вмѣстѣ съ Низкеничкою громадою, сообразуясь съ обычнымъ правомъ и съ писаннымъ статутомъ, спрашивали вора: признается ли онъ въ преступленіи и въ томъ, что у него найдено полицное? И этотъ обвиненный воръ признался въ преступленіи и въ томъ, что у него найдено полицное. За тѣмъ вышеозначенныя лица опредѣлили декретомъ своимъ, чтобы онъ, какъ заслужилъ, и какъ повелѣваетъ право, былъ казненъ смертію. На основаніи такого приговора, онъ отдакъ былъ въ руки вышепоименованнаго па-

nego, naprzod pytali: ieśli by się znał do takiego uczynku y lica tego? Który to obwiniony złodzi przyznał się do uczynku y lica tego. A potem dekret swoy ferowali, aby był, tak iako zasłużył, y prawo uczy, na garle karany. I za takowym dekretem oddany iest do rąk wyszpomienionego mistrza na executią, zostawiwszy przy tym wolne instiguiącym, który z inszych wsi przypytowali się do złodzieia tego, probe, ieśliby który chciał, y ieśliby ten złodzi miał przyznać do iakiego uczynku. Niżli, iż żaden nie ynstigował, aby był pociągniony do proby wyznania kradzieży, dalszy podany niebył, za uczynek samey teie, kradzieży zwyszpomienioney, przez mistrza, zwyszpomienionego odniósł, według zasługi swey y prawa opisanego, zapłate y na garle karany iest». **Што все менованный возный, такъ власне правдиве быти зознавши, просилъ, абы тое его очевистое и добровольное зознанье принято и до книгъ записано было; которое есть принято и записано.**

лача на экзекуцію. При этомъ людямъ изъ другихъ сель, желавшимъ допросить вора, предоставлено было вольное право, требовать, чтобъ воръ подвергнуть былъ пыткѣ, не признаетъ ли онъ еще въ какомъ нибудь преступленіи. Но такъ какъ никто не требовалъ, чтобы воръ, для признанія въ воровствѣ, былъ подвергнуть пыткѣ, то онъ и не былъ болѣе подвергаемъ пыткѣ; но за одну только означенную выше повражу, получилъ отъ вышепоименованнаго палача награду, по своей заслугѣ и согласно съ писаннымъ правомъ: былъ казненъ смертію». Вышепоименованный возный, объявивъ, что все это дѣйствительно такъ происходило, просилъ, чтобы его личное и добровольное сознанье было принято и въ книги записано; и оно принято и записано.

Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 911, на оборотѣ.